

ЦИКЛ

Дикая охота

КОЛЕСО

Каждый год на небо восходит ледяная звезда, каждый год звездное колесо вечности оборачивается по кругу, и спицы его гаснут одна за другой, чтоб снова заискриться тысячами жизней. Только что будет, если однажды оно угаснет и так и не замерцает вновь? И сумеет ли кто-то повернуть его? Холодные ветра уже задувают со стороны темного края, и древние духи Гарварнского леса со страхом ждут Ночи Сна, когда им придется покинуть подлунный мир до самой весны.

===== Пролог =====

Зима выдалась удивительно холодной и снежной. В городах жуткий мороз был скован паутинами улиц и стенами домов, а вот в маленьких деревеньках безобразничал вовсю. Детей не выпускали из приземистых деревянных избушек — изголодавшиеся волки выбрались из лесов, и по ночам заунывный вой слышался совсем рядом. Казалось, никогда не закончатся лютые метели и холода. Вечерами, у тусклых огней очагов, рождались страшные сказки. Люди молили богов о милости — не хватало дров, не хватало еды, не хватало тепла. Многих забрала та зима в свои ледяные чертоги, многих потеряли смертные среди белых вьюг...

Горвин широко зевнул, всем своим видом изображая смертную скуку, однако на мальчишку никто не обратил внимание. Другие дети расселись вокруг старой Фарны, чутко слушая ее и ловя каждое слово деревенской сказительницы, затаив дыхание — какое им дело до него, когда скрипучий голос старухи переносил их в далекие времена, к славным легендам? Закатное солнце плавно опускалось за мягкие изгибы склонов холмов, и его теплые лучи накрыли белоснежные волосы Фарны тонким платком сияния — да такого сильного, что глаза слезились, если долго смотреть. Горвин не знал, сколько уже зим пережила старуха — знал лишь, что она баяла свои сказки еще его отцу и матери и уже тогда была старой и сморщенной, словно сухая кора. Подслеповатые глаза Фарны всегда затягивались пеленой воспоминаний, когда она вечерами выходила к детворе, слоняющейся у ее крыльца в ожидании очередной истории. И хоть все ее сказки дети знали наизусть, а все равно каждый вечер у ее дома собиралась толпа. Даже старшие иногда приходили.

Горвин не любил сказку о Белой Смерти. Она была жутко скучной — ни тебе призраков в забытых замках, ни чудовищ, которые наводили ужасы на окрестные селения, ни храбрых воинов, побеждающих врага одним ударом меча... Только зима, холод, вьюги. Он знал, что Фарна сама пережила Белую Смерть и помнила ту ужасную пору, когда почти весь Фаулир вымер, и уважал старуху, как и все местные жители. Но когда она снова начинала занудствовать об этом...

Мальчик украдкой взглянул на сестру, сидящую ближе всех к старой Фарне, и с досадой засопел: Эльна явно не собиралась уходить. Глаза ее горели, а на маленьком веснушчатом личике застыло изумленное выражение. Она жадно ловила каждое слово старухи, словно слушала сказку о Белой Смерти впервые, и иногда оборачивалась к черноглазой Айше и что-то горячо шептала ей на ухо. Горвин чуть не взвыл: ну почему он должен сидеть здесь вместе с сестрой?! Он давно уже вырос, ему надоели эти детские рассказы! Но мать строго-настрого запретила ему оставлять сестру одну, когда девочка убегала с подругами к дому Фарны, и Горвину приходилось слушаться. Пару раз он все-таки умудрился слянуть вместе с друзьями в лес, когда старуха баяла длинные сказки — но именно в те вечера отец почему-то

решал пройтись по Фаулиру и забрать детей. А потом так всыпал Горвину, что тот еще несколько дней сидеть не мог. Приходилось молча повиноваться и мечтать о том дне, когда Эльне наконец наскучат старухины сказки. Правда, судя по всему, к тому дню Горвин уже будет таким же дряхлым и седым, как и сама Фарна.

Эльна обернулась, почувствовав взгляд брата, и показала ему язык. Горвин в ответ вскинул кулак и скорчил грозную гримасу, а потом махнул рукой в сторону дома, безмолвно уговаривая сестру уйти. Девочка отрицательно покачала головой и снова повернулась к Фарне, мигом меняясь в лице — все ее озорство исчезло, а глаза вновь сияли звездами. Горвин нахмурился еще сильнее: теперь точно до нее не дозовешься... Противная девчонка. Как можно быть такой невыносимой занудой, притом еще и портить ему все планы! Нужно будет подговорить Одрена и Мальда и придумать что-нибудь, чтобы проучить мелкую. Правда, надо сразу придумать, как ее задобрить после этого — иначе побежит отцу жаловаться, а тот им уши-то повькручивает.

Ветра зимы пришли из заснеженных лесов Гарварны, расползаясь по всему краю, словно огромный спрут с белоснежными щупальцами. Селяне ждали любой помощи из городов, будь то провиант, дрова или лекари. Последние были нужны все чаще — болезни проникали в дома вместе с холодом. Матери сидели у колыбелей, качая плачущих младенцев, и заливались слезами — дети могли так и не увидеть солнечного света и весенних цветов. Люди сходили с ума — плач волков с каждым днем слышался все ближе и ближе; иногда, в тихие ночи, звери бродили по заснеженным улочкам, и в окнах мелькали зловещие тени. Зима казалась бесконечной...

О боги, какая же скукотища...

На деревню медленно опускались сладковатые летние сумерки, пахнущие разгоряченной под солнцем землей, древесной смолой и травами, укрывающими пологие склоны. Из изумрудных кудрей садов выныривали соломенные крыши невысоких домов, над которыми тянулся бледный, едва заметный дымок. С запада Фаулир огибала мелкая речушка, по берегам которой рос густой камыш — там гнездились сойры, толстые ленивые птицы, чьи перья отлично подходили для того, чтоб делать из них оперение на стреле. Когда-то Горвин вместе с Одреном попытались найти их гнезда, чтоб забрать оттуда птенца и вырастить его — тогда бы у них был свой собственный неиссякаемый источник драгоценных перьев. Но сойры оказались крайне воинственными и, несмотря на свою неповоротливость, крайне агрессивными птицами. Домой мальчишки возвращались изодранными, мокрыми (Одрен свалился в речку, когда его атаковал особенно озлобленный сойр, и потянул за собой Горвина) и сконфуженными: в довершение всего, мерзкие птицы обгадили их и только после этого скрылись в камышовых зарослях. А дома мать отхлестала Горвина мокрым полотенцем, что тоже не прибавило ему хорошего настроения. С тех пор к камышам они с Одреном даже не приближались — вопли птиц, заведших их издалека, напоминали издевательский хохот. Одрен, правда, все время бормотал о том, что отомстит мерзким созданиям, но пока дальше слов так ничего и не заходило.

С севера и востока к деревне подбиралась темная стена леса. Леса Гарварны были так громадны и необъятны, что даже самые отчаянные ребята Фаулира не решались пересечь его. С каждым годом лес разрастался, а чащи его становились все дремучее и непроходимее. Горвин взглянул на кромку леса, чернеющую за силуэтами домов, и ощутил привычные мурашки, появляющиеся всякий раз, когда его взор впивался в гряду деревьев. Вот уж где настоящие страшные сказки!.. Кто знает, какие чудища обитают в диких уголках

Гарварнского леса? У старухи Фарны была одна такая сказка, о страшных духах, живущих на болотах, в заросших оврагах и темных прудах. Мальд, правда, хохотал ему в лицо, когда Горвин предложил ему поискать следы зловещих существ в лесу — он не верил в старухины легенды. А самому идти в чащобу было все-таки боязно, хотя часть леса близ деревни они уже знали как свои пять пальцев. Но дальше забредать не решался никто. Горвин проводил взглядом птицу, метнувшуюся под сень ветвей и скрывающуюся из виду. Однажды он уговорит друзей забраться далеко в Гарварнский лес. Или сам пойдет. Не маленький уже.

Слишком долго страдали смертные, слишком много забот выпало на их долю. Если бы в них остались силы и вера, они бы смогли увидеть, как прекрасен был зимний лес. Кружевные узоры инея на паутинах ветвей переливались всеми оттенками радуги под лунным светом. Белоснежные сугробы скрывали землю под пушистым, мерцающим одеялом — а как хороша была зимняя ночь... И словами не передать. Но люди не видели. Они видели лишь холод и мрак беспросветной, холодной ночи.

Голос старухи был тихим, но ее слушали так внимательно, что рассказ слышали даже прислонившиеся к плетню старшие. Среди них стояла и Келена, вполголоса переговаривающаяся с Гриной. Высокая, изящная Келена была старше Горвина на один год, и в свои четырнадцать обещала стать одной из самых красивых женщин Фаулира. Ощувив его взгляд, девочка посмотрела на него в упор, чуть скривив капризные губы. В карих глазах плясали искорки смеха. Горвин почувствовал, как предательски начинают гореть уши, и поспешно отвернулся, чтоб она не заметила его смущения — еще задаваться начнет... Все девчонки такие: хвостами крутят, глазки строят, шушукуются между собой, стоит только пройти мимо — а чуть что, сразу нос воротят. И то им не так, и то не так, и принеси им Огнецвет, и звезды в горсти поднеси... Тьфу. Горвин не понимал женщин, да и не особо хотел: гораздо больше его интересовали другие вещи. Совсем недавно он сам вырезал себе лук из молодого гибкого клена. Ему не терпелось вместе с Одреном и Мальдом опробовать оружие. Он уже грезил о том, как пойдет в лес и подстрелит там матерого секача. Боги, скорее бы!..

Эльна зачарованно глядела на старуху, внимая ее словам, как и другие дети. Вечер опустился на долину Фаулира, и в сумрачной синеве Фарна казалась Туманной Сказительницей, которая приходила вечерами к детским колыбелям и нашептывала малышам сны. Седые волосы старухи резко контрастировали с загорелым лицом и темными глазами — впрочем, они давно утратили свой истинный пронзительно-черный цвет: сейчас старуха смотрела будто бы сквозь предметы и людей, и взгляд у нее был словно в дымке. Интересно, как она видит мир?

Горвин вновь вздохнул. Если бы не упрямая Эльна, каждый вечер он бы проводил с Одреном и Мальдом, придумывая очередную забавную игру. А вместо этого он стоит здесь, привалившись спиной к невысокой яблоньке, и слушает старухины байки. Худшего занятия не придумаешь. Нет, сказки Фарны нравились ему в детстве — но он давно ведь не ребенок. За лето он сильно вытянулся, став совсем нескладным, и немного раздался в плечах, да и голос его уже начал меняться. Горвин специально старался говорить басом, чтоб мальчишки постарше не считали его мелюзгой. Но если его увидят здесь, среди детей, точно засмеют.

Взгляд его снова приковался к лесу. Там, среди деревьев, в густой темноте ему привиделся серебристо-голубой сполох — словно туман осветился волшебным фонариком на один короткий миг.

Говорили, что по ночам в лесу бродит прекрасная Королева Зимы. Синие ее глаза

мерцали в темноте, словно драгоценные камни. Луна обронит лучи, осветит на мгновение ее лицо, сверкнут в темноте небесные очи — и вновь все тонет в ночном мраке, лишь ветер воет да поет меж мерзлых деревьев. Королева Зимы привела с собой свою невесту, Белую Смерть, поднося в дар ей весь мир... Рука об руку шли они по городам и селам, забирая с собой тепло жизни, а за ними по пятам шли вьюги и лютые холода. Говорили, что когда метели бесновались ночами, они проносились над замерзающим миром в ледяной колеснице, запряженной четверкой белоснежных коней, и похищали все тепло, до которого могли дотянуться их тонкие пальцы. И тепло угасало в тех ладонях.

Горвин почувствовал, как холодок ползет вниз по затылку. Вдруг из темноты на него смотрели те самые сапфировые глаза?.. Зима-то не скоро — но уже исход лета. Может, Королева вновь пришла... Он отогнал от себя глупые детские мысли, пожурив самого себя за такую нелепую мысль: никакой Королевы Зимы не существовало, нечего верить в байки старухи. Эльна, будто услышав его размышления, взволнованно воскликнула:

— Но ведь Королевы Зимы на самом деле нет, бабушка Фарна?

Задумчивый мутный взгляд сказительницы впился иглами в стену деревьев. Ветер колыхнул выбившуюся из косы белую, словно снег, прядь Фарны, и в воздухе Горвину почудился запах снега.

Кто знает, дитя. Кто знает.

Сказка закончилась, закончился и погожий летний день, уступив место звездной темноте. Горвин шел вместе с Эльной домой, держа сестренку за руку, и думал о своем луке. А еще совсем чуть-чуть — о Белой Смерти и Королеве Зимы, и о синих ее глазах. Но мысли эти были так запутанны и непонятны ему самому, что мальчик не особо углублялся в них. Гораздо лучше было думать о том, как они завтра на рассвете с Одреном залезут в заброшенный сарай, где вдовец Ягтар прятал самый настоящий меч, привезенный им еще в молодости после войны. Одрен говорил, что точно знает, как туда пробраться, и Горвину не терпелось уже ощутить в своей ладони вес оружия и порубить сталью молодой березняк в лесу.

Колючие звезды над головой искрились мягким синим светом, и в чаще леса, словно отвечая им, вспыхивали и гасли лазурные искры. Но кому до них дело?

===== Глава 1. Дитя туманов =====

И в доме ее — на окнах роса,

И сквозь половицы трава растет.

А птицы выют гнезда в ее волосах,

И так — уж который год...

Старинная эльфийская баллада «Лесная ведьма»

Косые лучи летнего солнца золотыми нитями просвечивались сквозь изумрудную листву. Высокая трава пестрела соцветиями всевозможных оттенков — от нежно-белого до небесно-синего. Птицы шумно перекрикивались где-то в чаще, и их веселый гомон разносился эхом среди высоких деревьев.

Светлокосая Далея прижалась спиной к нагретому солнцем стволу и отдышалась, озорно оглядываясь по сторонам. Стебли щекотали босые ножки девочки и задевали подол платья. Золотистые косы Далеи растрепались — что же скажет мама? Но девочку это не заботило: сейчас ей нужно понадежней спрятаться, чтобы ее не нашел Гарвод. Тисса наверняка уже где-то укрылась и сидит — старшую девочку всегда находили самой последней, так хорошо она пряталась! Далея затаила дыхание: был слышен лишь шорох

листвы и веселые трели птиц. Девочка сдула со лба непослушную прядку золотистых волос. Да, так далеко она еще не забредала — ну да что там, не страшно: в лесах Гарварны летом невозможно заблудиться. Иди себе в сторону, откуда солнышко катится по небосклону — и выйдешь напрямиком к Фаулиру. Далея осмелилась выглянуть из своего укрытия — нет ли кого поблизости? Но ни Тиссы, ни Гарвода девочка не увидела. Близняшки Томми и Кайя выбыли из игры почти в самом начале, а капризная Лорка сама ушла, заявив, что ей надоели детские игры.

Далея довольно зажмурилась. Как же хорошо в лесу! Дети не боялись ни волков, ни медведей, ни диких котов — почему-то в здешних лесах их не видели уже почти полвека, со времен Белой Смерти. Об этой жуткой поре Далея рассказывала бабушка, пережившая Белую Смерть — так жители деревни называли самую страшную зиму за последние несколько веков. С того самого времени все хищники словно вымерли. Косули, зайцы, даже лисы — этих в Гарварнских лесах было вдоволь. Правда, по ночам, из дальних уголков леса до деревни долетал тихий вой... Однако всё тут же списывали на проделки ветра, воющего в печных трубах.

Вдруг Далея послышался голос. Женский, красивый голос. Девочка замерла: кто же это тут бродит? И не найдет ли этот кто-то ее укрытие? И вдруг это — сообщник Гарвода? Далея присела на корточки, вжав голову в плечи и продолжая прислушиваться. Голос приближался, и вскоре девочка уже могла разобрать слова песни:

— ... Семь трав соберу, семь птиц призову -

Летите по свету, к далеким краям.

Коль имя я вам лишь одно назову,

Ищите его — вот воля моя...

Далея боролась с любопытством из последних сил. Женский голос был таким красивым, что девочке отчаянно хотелось посмотреть на его обладательницу. Между тем, женщина приближалась, а песенка превратилась в незатейливое, мелодичное посвистывание. Далея уже различала звук шагов и шорох стеблей, задевающих подол платья женщины. Девочка подкралась к высокому кустарнику, из-за которого и слышалось пение. За густыми зарослями виднелись изящные стволы плакучих ив, чьи зеленые косы мягко колыхались на ветру, а меж ними поблескивала гладь воды. Далея изумилась — она и не знала, что в чаще есть лесное озеро. Девочка начала продираться сквозь кустарник, и вскоре выбралась к пруду.

Удивительная красота этого места заставила девочку замереть с широко раскрытыми глазенками. Маленькое озеро со всех сторон было окружено стеной из ив и высоких дубов с темными широкими листьями, чуть дальше виднелись лиственницы и стройные ели. Переплетения крон были такими густыми, что солнечный свет едва проникал сюда, и над прудом царил сумрак, какой есть лишь в самых дремучих уголках леса. У самых берегов цвели дикие лилии, в траве проглядывали желтые соцветия пижмы. Замшелые валуны у пруда напоминали почтенных старцев — Далея казалось, что к этим камням даже просто подойти нельзя!

На берегу у воды сидела женщина, что-то ищущая в траве. Длинные, черные волосы ее были заплетены в толстую косу, небрежно перекинутую через плечо. Незнакомка продолжала тихонько напевать известную ей одной мелодию, а Далея внимательно разглядывала ее. Женщине было лет тридцать, может, чуть больше — так показалось девочке. Тонкие губы едва заметно шевелились, и иногда на лице ее мелькала отстраненная

улыбка. Наконец женщина поднялась, держа в одной руке пучок какой-то травы, а в другой — маленький клинок. Высокая она, подумала Далея — но для ребенка любой взрослый был высоким. Простая белая рубаша, заправленная в длинную темно-зеленую юбку, босые ноги, странные амулеты на груди — женщина явно не совершала прогулку откуда-нибудь из Вергории, соседнего города. Да и среди односельчан Далея не видела незнакомку. Неужели здесь живет?

Девочка так увлеклась разглядыванием незнакомки, что совсем позабыла об осторожности. Женщина подняла голову и уставилась на Далею, уперев руки в бока. Далея поежилась — у незнакомой особы был удивительный взгляд. Темно-серые глаза с холодным, стальным блеском радужек смотрели прямо, и взгляд этот проникал в самую глубину души.

— Ну и что ты тут забыла, мелочь?

Далея шумно засопела, опустив взгляд. Она вспомнила, как когда-то Тисса рассказывала о ведьме, живущей где-то в лесах близ Фаулира. А эта женщина была очень похожа на ведьму.

— Чего молчишь? Язык проглотила?

Далея помотала головой, но ответить не решилась. Женщина оглядела ее, усмехнулась и спросила уже более миролюбиво:

— Как зовут хоть тебя, златовласка?

Девочка робко подняла взгляд на черноволосую незнакомку:

— Далея... сударыня.

Женщина хохотнула:

— Нашла сударыню, тоже мне!.. Ты зачем так далеко от деревни забрела, Далея? В лесу звери дикие водятся, опасно самой бродить.

— А я не сама, я с Тиссой и Гарводом! А еще с нами Томми и Кайя были, и Лорка, но они ушли уже... И зверей тут нет, тетенька, это все знают — с самой Белой Смерти нет, — девочка немного расхрабрилась, с любопытством глядя на женщину. Та усмехнулась:

— Нет зверей, как же... Боятся они, вот и не показываются.

— Кого боятся? — Далея непонимающе взглянула на нее.

Женщина не ответила. Спрятав в ножны на поясе клинок, она подняла с земли маленькое лукошко, в котором уже лежали разные травы, и бросила туда только что срезанный пучок. Далея неуклюже потопталась на месте и решила задать волнующий ее вопрос:

— Тетенька, а вы — ведьма?

— Ведьма, — серьезно подтвердила та. Глаза Далеи удивленно расширились:

— Самая настоящая?

— Самая что ни на есть настоящая.

— Ух ты... А можно я ребятам расскажу?

— Рассказывай, — равнодушно пожала плечами женщина, — Тебе все равно никто не поверит.

Далея собиралась возмутиться, однако где-то вдалеке вдруг послышался крик Гарвода — «Далееееяаааа»... Скоро к нему присоединился голос Тиссы. Женщина вновь усмехнулась:

— Беги к друзьям, тебя уже заждались.

— До свидания, тетенька ведьма! — малышка развернулась и бросилась обратно, через заросли кустарника — к залитой солнцем полянке, и дальше, откуда она прибежала. Пруд

остался далеко позади, а голоса детей слышались все ближе. Наконец Далея выскочила на опушку, где стояли Тисса и Гарвод.

— Ты где была, проказница?! Мы уже обыскались! — Тисса грозно смотрела на младшую сестру.

— Тисса, Тисса, а знаешь, кого я видела? Ведьму!

— Ведьму? — Гарвод, лопоухий долговязый мальчишка, рассмеялся, — Ну ты и выдумщица, Далея! Нет тут никаких ведьм. Идем домой, обедать пора давно.

Мальшка обиделась и всю дорогу до Фаулира пыталась доказать сестре и Гарводу, что ведьма была самой настоящей — она ведь сама так сказала! Дети посмеивались над младшей: наслушалась сказок, вот и придумала глупости всякие. Далея решила, что непременно еще попытается найти ведьму и приведет ее к ребятам. Жаль только, что даже имени ведьмы она не знает...

Мара смотрела вслед девочке несколько мгновений, а потом фыркнула: и чего им дома не сидится? Носятся по лесу, оголтелые, шумят, травы топчут. А мелкая эта вообще далеко забрела — к пруду подобралась... Надо бы барьер какой поставить — или парочку охранников. Волки без приказа Мары нападать не станут, но незваных гостей отпугнут. Нечего человеческим детенышам шастать тут без дозволения!

Женщина взглянула в лукошко: так, все нужные травы есть. Еще было бы хорошо до северных угодий дойти, за полынью, но это нужно было утром идти. Нынче поздно уже. Мара перебросила тяжелую косу на спину и направилась вглубь леса. Темная зелень листвы скрывала ее от палящих солнечных лучей, под сенью ветвей чувствовалась легкая прохлада. Ведьма не выносила зной, поэтому старалась не бродить в окрестностях Фаулира — там лес был редкий, едва ли спрячешься от жары.

Дом ведьмы был надежно спрятан и от солнца, и от посторонних взглядов: в самой чаще, под сенью высоких стволов раскидистых дубов и сумрачных тисов. Деревянный сруб был неприметен — ни дорожек, ни заборов вокруг не наблюдалось. Кудри берез и изумрудные плети ив смягчали мрачность этого места — к тому же, сквозь их узорную листву все-таки пробивался мягкий золотистый свет. Дом не походил на ведьмино логово, однако каждый путник, забредший сюда случайно, постарался бы обойти его стороной. За домом, в нескольких саженьях от него, неспешно текла неширокая, спокойная речушка. Гарварнские леса были богаты реками, маленькими озерцами и стремительными ручейками. А еще — болотами. Раньше в них без вести пропадали люди, однако теперь никто не забредает в дальние уголки огромного леса. Кроме Мары, разумеется. Ведьма хорошо знала родной лес, поэтому часто гуляла в компании болотных огоньков — те легко проводили ее через опасные места и трясины. Да и сама ведьма безошибочно находила путь.

Отворив тяжелую, крепкую дверь, женщина вошла в дом. Здесь пахло лесным разнотравьем и уютом. Кто сказал, что ведьмы живут в хижинах, пропахших тленом и черной ворожкой? В доме Мары царили ароматы чабреца, дикой мяты, пижмы, ромашки — и множества других трав. Некоторые были знакомы каждому, о некоторых ведали лишь немногие. На стенах были развешены пучки и разнообразные травяные сборы, птичьи перья и рябиновые гроздья. Рабочее место ведьмы больше напоминало лавку травника: на широком столе стояли (или лежали) разнообразные скляночки, сосуды из глины и дерева, венчики, тут и там были разбросаны кусочки пергамента с мелкой вязью букв. И конечно, всюду на столе лежали травы. Однако в беспорядке ведьму нельзя было обвинить — все находилось в строгом порядке, ингредиенты зелий строго разложены по кучкам, на столе —

ни единой крошки. Мара поставила на стол лукошко, а сама сладко потянулась.

Рабочее место Мары находилось у окна. Здесь же стоял шкаф, где хранились уже готовые зелья и старые, толстые книги. Ведьма трепетно относилась к фолиантам, и буквально каждую пылинку с них сдувала — еще бы, сколько им веков! А какие бесценные знания хранились на пожелтевших от времени страницах, знала только сама Мара. У противоположной стены стояла огромная печь, выполняющая функцию обогрева помещения в зимнее время. Для готовки пищи ведьма использовала очаг, рядом с которым находился второй стол — кухонный. В одном из уютных плетеных кресел у стола мирно спала серая кошка, второе пустовало.

Вторая комната служила ведьме спальней. Здесь была лишь кровать да маленькая тумбочка с огарком свечи. Зато под потолком также висели пучки трав, маленькие деревянные пластинки со странными символами и гладко отполированные костяные плашки с такими же знаками. Под ногами шуршал плетеный тростниковый коврик, окно занавешено легкой, полупрозрачной тканью. Тишь да уют.

Возле дома ютился небольшой сарай — пристанище еще одного обитателя здешних мест. В нем жила безмянная козочка, купленная Марой несколько лет назад на вергорийской ярмарке. Козочка была тихой, спокойной и давала много молока. Днем животное мирно паслось на окрестных лугах, а под вечер само находило дорогу домой и неизменно возвращалось к ведьме. Еще — коза не норовила боднуть хозяйку каждый раз, когда та приходила в сарай. Предшественники козочки грешили этим, за что и поплатились, став жарким.

Солнце начинало клониться к закату, и лес наполнился мягким, золотисто-алым светом. Блики закатных лучей сверкали на воде, путались в серебряных сетях паутин. Мара сидела на крыльце и бережно толкла в маленькой деревянной ступе сухие листочки омелы. Близился вечер — стало быть, скоро выпускать зверей на охоту. Хищники всегда покорно ждали слова Мары, и без ее дозволения не вылезали из своих нор, надежно укрытых далеко в лесу. Никто не имел права ослушаться ее.

— Эй, хозяйка, мне бы молока, — из дома вышла серая кошка и села рядом с Марой, — Слышишь меня? Иль оглохла? Я требую еды.

Только духи лесные знали, как же Мара проклинала тот день, когда в дом ее пожаловало это наглое животное. Еще больше женщина проклинала саму себя — за то, что в один прекрасный день решила немного поэкспериментировать с заклинаниями разума. С тех пор кошка умела разговаривать — а что хуже всего, животное никогда не замолкало. Кроме того, характер у зверька оказался тот еще. Мара грозилась вышвырнуть кошку вон, кошка ехидно шурилась и делала вид, что не слышит. Так они и жили. Впрочем, иногда кошка вспоминала о том, кто же она на самом деле, и выполняла свои прямые обязанности: ловила мышей, подолгу спала и мурчала на коленях хозяйки. В такие моменты Мара умильно наблюдала за зверем... пока та снова не начинала говорить.

— Поди мышь поймай, Ширра. Видишь же, я делом занята.

— Я что, обычная дворовая кошка, чтоб мышей ловить?! — фыркнула Ширра.

— Да. По крайней мере, когда жрать больше нечего.

Ширра недовольно мотнула пушистым хвостом:

— Ишь ты, непреклонная какая. А между тем, я дом охраняю, от незваных гостей берегу — и никакой благодарности от тебя нет. Только ворчишь, как старуха, да травы свои без устали толчешь. Зачем тебе столько?

— В Вергорию отнесу, местный знахарь платит хорошо за лесные травы. Никто из тамошних жителей не полезет в чащобу ради одного цветка альверки, который и цветет-то лишь в новолуние... А на ней знаешь сколько зелий травники варят?

— Понятия не имею, — кошка потянулась и зевнула, блеснув белоснежными острыми клыками, — Сдалась мне твоя альверка... Ну Ма-а-а-ра-а-а-а, — протяжно взвыл зверек, — Я же знаю, там на печи кринка с молоком! Что тебе стоит налить мне блюдечко? Я же бадью не прошу...

Ведьма вздохнула, отставила ступку и вошла в дом. Довольная кошка проследовала за ней — на наглой морде угадывалась победная ухмылка. Мара подошла к печи, где в самом углу стояла глиняная посуда, а у стены — заветная кринка. Женщина взяла глубокое блюдо и наполнила его молоком. Существенным достоинством Ширры было то, что кошка никогда ничего не брала без спросу. Пока не выпросит — не отстанет, но тайно ничего не возьмет.

Мара поставила блюдо на пол. Кошка с жадностью припала к нему, лакая густое молоко и урча от удовольствия. Ведьма усмехнулась. Хороший зверь, хоть и вредный... А между тем сумерки уже обнимали узорные ветви и спускались все ниже к земле. Высоко в небе показались бледные, едва заметные звезды — ничего, к ночи разгорятся. Скоро и лунный серп разрежет черный шелк ночного неба. Вот тогда и наступит время охоты.

Женщина расплела тяжелую косу, встряхнув копной густых черных волос. Взяв деревянный гребень, Мара опустилась в кресло и принялась расчесывать мягкие пряди. Кошка, вдоволь напившись молока, вспрыгнула на колени ведьмы и свернулась теплым клубочком.

— Ты чего развалилась? — беззлобно поинтересовалась Мара, — Я же уйду скоро.

— Но пока же не ушла, — сонно ответила Ширра, прикрыв янтарно-желтые глаза.

Ведьма философски хмыкнула — и то верно. Откинувшись на спинку кресла, она лениво поглаживала мягкую шерсть дремлющей кошки и тихо напевала известную лишь ей одной мелодию. Когда темнота в комнате сгустилась, спрятав под черным плащом очертания и контуры предметов, Мара взглянула на одинокую свечу, стоящую на столе, и сосредоточилась. Мир мгновенно рассыпался мелким крошечком, сотней цветов и оттенков, и в этой круговерти она тут же нашла один: пронзительно-золотой, с алыми отблесками. Женщина легко потянула за эту ниточку энергии, и через несколько секунд фитилек задымился, а вскоре на его кончике заплясал лепесток пламени. Тусклый свет разлился по комнате, разогнав мрак по углам. Скоро уже... Скоро.

Ближе к полуночи ведьма покинула дом, оставив мирно дремлющую кошку в кресле. Та даже не проснулась, когда хозяйка переключивала ее со своих колен на плетеную поверхность кресла. Теплый ночной воздух ворвался в приоткрытую дверь, заметался легким ветерком по комнате и растворился в аромате сухих трав.

Луна роняла холодный свет на спящий мир. Точнее, просыпающийся... Лес оживал ночью, меняясь, превращаясь в мир тайн и запутанных тропинок. Под босой ногой ведьмы не гнулась трава, не сминались хрупкие лепестки цветов... Ветер мягко колыхал распущенные волосы женщины, серебристые лучи луны вплетались в длинные пряди волшебными нитями. И звезды на небе мерцали драгоценными камнями... В глубине леса тут и там мелькали крохотные сполохи голубоватого сияния — то ли светлячки, то ли болотные огоньки, выбравшиеся из своих трясин. На паутинах сверкала хрустальным бисером роса, где-то в глуши перекрикивались ночные птицы. Время охоты наступило.

Мара остановилась на небольшой полянке, ярко освещенной молодой луной. Женщина

замерла, раскинув руки в стороны, и закрыла глаза. Дыхание ее замедлилось, стало спокойным и глубоким. В кронах деревьев поднялся ветер... Не северный, не южный — иной. Ветер пах колдовством и жуткой силой. Он собирался на кончиках пальцев колдуньи, обвивал ее тонкие белые руки и проникал под кожу. Затем — резко, словно по мановению руки — все стихло. Лишь Мара, так и замершая с закрытыми глазами, слышала, как во всех уголках Гарварнского леса просыпаются ночные охотники. Скоро они придут сюда. Волки всегда приходили к ней.

Вскоре на поляне возник из темноты огромный волк. Он не мигая смотрел на ведьму — беззащитную, безоружную. Он мог бы легко перегрызть ей горло, вонзить клыки в мягкую плоть и разорвать колдунью на части. Однако вместо этого волк подошел к Маре и доверчиво ткнулся влажным носом в ладонь женщины. Та потрепала хищника по холке — так, словно они были старыми приятелями. Впрочем, так оно и было.

— Веди стаю, Тень. Ваше время пришло, до утра — лес в вашей власти.

Волк внимательно взглянул на ведьму. Женщина развернулась и неспешно побрела дальше, к восточным болотам. Хищник проводил ее взглядом, а затем поднял морду к луне. Протяжный вой эхом отозвался среди деревьев, проник в самые дальние волчьи логова. Просыпайтесь, братья и сестры. До рассвета — охота...

Луна скользила хрустальным светом по шершавой коре, пестрящей лишайниками и мхами, на изумрудном бархате которых блестела роса. Свежесть, дурманящая разум, наполнила все тело, и ночной лес раскрывался во всем своем великолепии. В синеватом сумраке можно было утонуть, словно в глубоком омуте — и Мара с головой ныряла в этот омут. Ночью все цвета становились гуще, сочнее, ночью все обретало иные очертания и совершенно странные свойства: ветви превращались в тонкие руки, цветы — в упавшие на землю звезды, камни — в силуэты затаившихся неведомых чудищ. А из-под влажных корней, просыпаясь, появлялись крохотные клубочки света, оберегающие темный лес. Ведьма с самого детства любила убежать следом за болотными искрами далеко в чащобы, и сейчас они радостно льнули к ее рукам, поднимаясь из густой травы навстречу давней приятельнице. Если бы у них были имена — она могла бы назвать каждого, самого древнего и только рожденного.

Мара шла следом за веселой сворой болотных огоньков. Те доверчиво подлетали к ней, путались в волосах, садились на плечи. Некоторые из них взвивались высоко вверх и терялись среди звездных искр, другие растворялись в сумраке, а затем вновь возникали из ниоткуда. Отовсюду доносился шепот, слышный лишь ведьме. Женщина слушала голоса диких духов, чьи глаза мерцали в темноте, за густой завесой листвы. Они наблюдали за ней, глядя сквозь ее кожу. В самую ее суть. Тихое постукивание, перешептывания, странный шелест и эти взгляды были вечными спутниками Мары во время ее ночных прогулок. Чем ближе женщина подходила к болотам, тем ощутимее было присутствие чего-то бестелесного, но живого. Древнего. Сильного.

На восточных болотах всегда царил туман. Густая дымка поднималась от темной воды и заросших болотными травами кочек. В туманах резвились огоньки — их эфемерный свет преломлялся, мерцая всеми оттенками синего, голубого, серебряного и бледно-золотого. Они таяли в седых витках призрачной дымки, оставляя после себя едва заметное свечение. Ведьма каждый раз заморожено следила за их колдовским танцем и наслаждалась царящей здесь атмосферой. Она привычно присела на поваленный ствол, поросший мхом. Сквозь гнилую древесину кое-где уже пробивались острые нити травы, нежные звездочки белозоров

и тонкие стебли болотных фиалок. Ведьма прикрыла глаза, позволив себе стать частью тумана, почувствовать каждый листок, каждое бьющееся сердце, каждую ветвь. Она была всем лесом.

Женщина вышла из оцепенения, когда туман опустился ниже к земле и стал прозрачней. Стало быть, до рассвета осталось не более двух часов... Мара взгляделась в темноту за узором ветвей и листьев. Человек, если бы ему вздумалось гулять на болотах в этот час, смог увидеть бы лишь перекрестья веток... а если и увидел что-то еще, принял бы все за игру теней и тумана. Мара же смотрела прямо в глаза одному из здешних духов. Люди звали их болотной нечистью, хоть и считали, что живут они лишь в легендах...

Ведьма знала, что в ветвях прячется иль-вэане — «сокрытая в туманах», как ее звали ведуны. Дух наблюдал за ней из-за кружев листвы. Иль-вэане не двигалась, даже не дышала. Тень падала на лик духа, искажая его и делая тонкие черты нечеловеческого лица еще более зловещими. Иль-вэане словно состояла из острых углов и размытых контуров — и только огромные глаза, отсвечивающие призрачным светом, вспыхивали в темноте. Ни зрачков, ни радужек — лишь глубокие колодцы бледного тумана, звезд и мрака. Существо придерживало ветви длинными, тонкими пальцами с острыми когтями. Мара чувствовала, что на бескровных губах иль-вэане играет жуткая ухмылка. Еще бы — даже ведьмы не осмеливаются заходить во владения болотных духов. Особенно ночью.

Где-то вдали крикнула птица. Иль-вэане блеснула глазами и исчезла — как будто и не было ее. Мара не боялась духов, обитающих здесь: да и они никогда не желали ей зла. Однако «сокрытые в туманах» славились тем, что безумно любили пугать все живое. Изредка болотные духи нападали на путников, случайно забредших в их владения, и затягивали несчастных в трясину. Но ведьме нечего было бояться.

Вновь послышалось это легкое постукивание — словно деревянные пластинки легонько бились друг о друга, качаясь на теплом ветру. Мара знала: так переговариваются меж собой «сокрытые в туманах», когда не хотят, чтоб их понимали другие существа. У каждого рода духов был свой язык звуков — иль-вэане тихо постукивали костяшками пальцев по древесным стволам, кельди мелодично, совсем по-птичьи свистели, хеледы издавали звук, похожий на шелест ветра в кронах... Человек не сумел бы различить их среди веселого гомона птиц и лесных шорохов, а понять, о чем они говорят — и подавно. Мара тоже не понимала, однако духи Гарварнского леса, древние и мудрые, легко подстраивались под нее и общались с ней исключительно на родном ее наречии. Или на языке видений.

Это было самое чудесное общение — абсолютно безмолвное, наполненное яркими вспышками в сознании. Мара открывала свой разум дружественному существу, и мир вокруг тут же размывался, а на смену ему в голове возникали образы и видения. Духи тонко ощущали мир и самих себя в нем; они чувствовали ведьму, как чувствовали друг друга, поэтому охотно рисовали перед ее мысленным взором все, что только можно представить. Их радость виделась Марe солнечными зайчиками, прыгающими на искристой речной ряби, их печаль казалась сизым туманом над сумеречными холмами. Смех их на языке видений был звоном капли. Страх — ледяным ветром над черным сухостоем, цепкими ветвями впивающимся в небо. Иногда эти образы так быстро менялись, что ведьма не успевала уловить их суть, да и это было сложно: язык видений утомлял — порой Мара не могла отыскать подходящий образ, и приходилось долго выстраивать цепочку из обрывочных картинок. Но ей искренне нравилось беседовать так с обитателями лесов Гарварны. В этом была какая-то удивительная, естественная красота. Стоило только прикрыть ресницы и

любоваться тем, как под веками расцветают образы, а за этими яркими вспышками ощущается древняя душа, веками оберегающая этот мир.

Не все образы завораживали и поражали красотой. Мара не раз слышала о древнейших духах, давно сгинувших во тьме веков — светлые духи рассказывали ей, как в далекие времена жуткие видения, насылаемые их темными собратьями, сводили с ума целые города. Образ мог причинить невыносимую боль точно так же, как яд или меч. К счастью, боги миловали, и на своем веку ведьма ни разу не встретила духа, который бы попытался навредить ей так — чаще они либо дружелюбно отвечали ей, либо просто закрывались и прятались, не желая общаться. Поэтому Мара даже вообразить не могла, каким должен быть образ темного духа.

Стук повторился, и Мара снова ощутила на себе хищный, тяжелый взгляд иль-вэане. Женщина тихонько хмыкнула: болотные духи любили поиграть. Вот и сейчас «сокрытая в туманах» пыталась припугнуть ее, появляясь и исчезая меж теней. Ведьма следила за духом, не отрывая взгляда — даже в темноте она видела глаза иль-вэане, дымчатые и жуткие.

Я не боюсь тебя.

Образ покоя и защищенности, мелькнувший в голове ведьмы, устремился к духу. Минуту стояла пронзительная тишина — а затем иль-вэане, туманная и ломанная, вышла из-под сени ветвей.

Илеванна знает, ведьма.

Насмешка, походящая на презрение. Болотным духам нравилось то, как их нарекли люди — правда, они упорно коверкали колдовское название и во время разговоров с Марой звали себя «илеванна».

Зачем ты пришла сегодня, ведьма?

Любопытство — проклевывающийся из-под земли тоненький кружевной усик папоротниковой ветви, тянущийся к солнцу. Мара улыбнулась образу: красиво. Она уже научилась разгадывать даже сложные многоуровневые видения — к тому же, за самим образом всегда стояло яркое ощущение чувства, которое дух вкладывал в безмолвное свое слово. Это напоминало игру света и тени, придавало объем и глубину — и позволяло понять духа. Нужно было только смотреть и слушать.

Слушать.

Дух, мягко перепрыгивая на кочку поближе, неестественно склонил голову набок, все так же не мигая и глядя неотрывно в глаза Маре. Ведьма без усилий выдержала ее жуткий взгляд — игра все еще продолжалась. Иль-вэане принадлежали к роду человекоподобных духов, поэтому в былые времена их иногда принимали за покойниц, восставших из гиблых топей. Они походили друг на друга, практически одинаковые в сути своей и в облике — но различить их можно было по сиянию глаз, ореолу, окутывающему их тела и видимому только колдовскому зрению, и по запаху. Эта пахла осенним сладковатым ароматом палых листьев — значит, в мир она явилась в золотую пору. Над гладким черепом иль-вэане облаком вился туман, распадающийся словно легкие прядки волос. Острые черты лица и тела, резкие и угловатые, почему-то завораживали Мару — несмотря на всю свою неестественность и несхожесть с обычной смертной женщиной, болотные духи все были грациозными, словно дикие кошки. И жутко опасными. Мара в который раз скользнула взглядом по длинным тонким пальцам с острыми, почти птичьими когтями — иль-вэане бы распороть ведьму от глотки до низа живота. Однако нападение на смертных в мире духов жестоко каралось — к тому же, Мара знала: бояться их нельзя.

Медленно, словно во сне, иль-вэане склонила голову к другому плечу, и ее губы раздвинулись в зловещей ухмылке. Под тонкими сероватыми устами блеснули длинные острые клыки. Глаза без зрачков втягивали в бездну глазниц все блики и отсветы луны.

Что ведьма хочет слушать?

Вопрос пришел без образа — внутри всего тела Мары разлился шипящий, нечеловеческий голос иль-вэане, дробящийся и раскалывающийся эхом. Голос был и женским, и мужским, и детским, и старческим — но притом странно-красивым. В нем звучал отголосок далекой небыли, забытой древности, горечи и сладости. Мара любила голоса духов: в них пронзительно переплетались жизнь и смерть.

Твой мир. Тебя.

Образ получился немного неуклюжим, расплывчатым — болота, затянутые туманами, укрытая травами дорога, а следом — громадные глаза иль-вэане, в которых таяли минуты и века. Подумав, Мара направила к духу видение смены времен года, подкрепив его ощущением жизни. Ведьма не сомневалась, что «сокрытая в туманах» прочтет все верно, но в который раз мысленно пожурила себя: нужно проводить больше времени, совершенствуя язык видений. Многие, несмотря на десятки лет общения с гарварнскими духами, давалось ей с трудом.

Иль-вэане опустила на кочку, совершенно по-человечески подтянув колени к груди и обвивая их тонкими руками. В глазах ее разливалась пустота и вечность. Мара ощущала ее очень остро — хотелось еще острее.

Илеванна помнит Бессмертного.

Ведьма ощутила, как по телу пробежала дрожь, и тихо улыбнулась — Бессмертный, отец всех живущих когда-либо духов, был и ее богом. Его сила пронизывала все живое, он был во всех энергиях, к которым она прикасалась, он наполнял собою огонь, воды, травы и ветра. Он и был сутью всего в мире.

Бессмертный дал жизнь илеванне. Илеванна была в пустоте.

Крохотная звездочка, зависшая в непроглядной темноте, искорка сияния, недвижимая и звенящая тишиной.

Бессмертный дал илеванне мир.

Глубокое озеро, до краев заполненное молочным туманом — и та самая звездочка, тонущая в нем. Громадное дерево, под тяжелым корнем которого распускается хрупкая фиалка. Болотный огонек, сонно выныривающий из перепутанной сети росных трав и колеблющийся в воздухе так, словно озирался по сторонам.

Мара любовалась ее рассказом. Образы перетекали так плавно, словно ручеек, огибающий гладкие камни. Иль-вэане не шевелилась, даже не дышала, и в бледном лунном сиянии сама казалась видением. Только протяни ладонь, дотронься — и она растает, ускользнет из-под пальцев, как дым. Сейчас вокруг них расплескался покой, такой глубокий и незыблемый, что Маре казалось, будто она сама стала древней, вечной. Образы все мелькали перед глазами, и за всей их яркой круговертью ведьма ощущала лишь одно: присутствие своего бога, его мощную, твердую силу.

Когда последнее видение размылось и отступило куда-то в темноту, Мара очнулась. Ощущение собственного тела было непривычным — впрочем, так всегда бывало, что удивляться-то. Иль-вэане, сидящая все так же неподвижно, смотрела на ведьму, и в тумане ее глаз Мара видела угасающие звезды.

Я хочу уйти в сон, ведьма.

Луна, в предрассветной дымке опускающаяся на мягкую перину облаков и кутающаяся в нее.

Мара кивнула, направляя к духу поток тепла и благодарности. Иль-вэане приняла его легко и поднялась с кочки, отступая назад. Болотные духи никогда не поворачивались спиной, и «сокрытая в туманах» шла спиной, не отрывая взгляда от лица ведьмы.

Приходи к илеванне еще, ведьма. Илеванна расскажет много.

Приду, древняя.

Иль-вэане изогнула уста в улыбке, больше похожей на оскал, и исчезла во тьме. Ведьма вдохнула поглубже прохладный сладковатый воздух, прикрывая глаза. На душе было радостно — она наконец нашла среди духов собеседника, который мог бы помочь ей научиться лучше управляться с видениями. Иль-вэане были одними из древнейших духов и многое могли поведать.

Ночь шла к исходу. Мара легко спрыгнула на усеянную росой траву — нужно было возвращаться к избе. Болотные огоньки проводили женщину до самой границы меж лесом и топиями, а затем растворились в предрассветном тумане. В воздухе Мара чувствовала запах влажной земли и листвы, запах свежей крови, запах диких зверей. Волки в Гарварнском лесу охотились лишь после полуночи, когда Мара позволяла им выйти из логов. Звери подчинялись колдунье. Почему — даже сама ведьма вряд ли смогла бы ответить на этот вопрос.

Когда ведьма вернулась к своему дому, ночной сумрак уже скрылся за горизонтом. Женщина развернулась спиной к избе, оглядывая лес. Она вновь стала всем — землей, стрелами травы, ветвями, птицами и животными. По жилам ее текла кровь сотен живых существ, в груди в едином ритме бились сердца. Множество сердец. Волки возвращались в свои обители — Мара чувствовала, как мягкая трава путается под мощными лапами, а на губах горчит пряный вкус крови. Охота удалась на славу.

Ведьма вошла в дом. Свеча давно догорела, и теперь в комнате царил сладковатый запах воска и дыма, смешанный с ароматом трав. Ветер колыхнул дощечки и плашки под потолком, заставив их отозваться тихим мелодичным стуком. Кто бы мог подумать, что дерево и кость могут петь... Кошка все так же спала, свернувшись клубочком в кресле. Мара тихо прошла в служившую спальней комнату. Ведьма всегда возвращалась под утро, вдоволь нагулявшись в ночном лесу — много времени для сна ей и не нужно было. Часа в сутки вполне хватало для того, чтоб восстановить силы. Колдунья засыпала в тот дивный час, когда солнце еще спит в своих чертогах, но ночь уже сняла темное покрывало с подлунного мира — а просыпалась, когда золотое небесное светило вставало из-за горизонта. Ширра, постоянно наблюдающая такой режим, фыркала и открыто считала хозяйку умалишенной. Когда Мара провалилась в темный бархат сна без снов, мир еще был спрятан в серой дымке.

Даже теплые летние ночи к утру становятся прохладными, и одинокому путнику поневоле приходится зябко ежиться. Тяжелые капли росы на траве холодными иголочками впиваются в кожу — нечего в такую рань разгуливать в лесах! Но каждое утро здесь прекрасно. В небе появляются первые птицы, и над миром звенит трель — сначала одна, затем вторая, потом еще и еще... А вскоре на востоке разгорается розовая полоса. По самой ее кромке змеится золотой лентой луч света, и из-за горизонта показывается сияющий бок солнца. Небо светлеет, меняя темно-синюю мантию со звездными блестками на легкий шелк самых разных цветов. Белые перья облаков плавно скользят над сонной землей, ночные цветы прячут свои тонкие лепестки в густых травах — им тоже пора спать. В волчьих норах

под корнями столетних дубов засыпают маленькие слепые щенки под теплыми боками матерей... Солнечный свет разливается над Гарварнским лесом, пропуская тончайшие золотые нити сквозь листву. Начинается новый день.

===== Глава 2. Дева вод =====

Лето было пряным, сладким, пьянящим и смеющимся. В лесах Гарварны ближе к осени все живое становилось каким-то особым, золотистым — и словно тяжелым, наполненным до края диким медом. На кустарниках наливались соком крупные ягоды дикой малины, в орешниках стоял невообразимый гвалт — целые стаи шумных птиц облепляли деревья, чтоб поживиться нежными ядрышками. Мара усмехнулась, глядя на россыпь пустых скорлупок, виднеющуюся всюду в траве под орехами. Это в селах жители отовсюду гнали прожорливых скворцов, чтоб пташки не портили весь урожай. В лесу же им было раздолье.

Скоро придет осень — самая красивая пора в Гарварнском лесу. Неведомый мастер золотил землю и выпутывал из сетей паутин тончайшие ниточки — они развевались на ветру, мерцая серебром под осенним солнцем. Деревья одевались в багрянец, бронзу, золото, а вековые сосны и сумрачные ели оттеняли их, как грубый мех оттеняет нежный шелк. На темной глади гарварнских прудов обрывками пергамента лежали палые листья. А этот густой, пряный, ни с чем не сравнимый запах осеннего леса... Мара зажмурилась: она очень ждала осени. В особенности — Ночи Сна.

В эту ночь весь лес преображался. Духи засыпали на всю зиму именно в Ночь Сна, и с рассветом на Гарварнский лес опускалась такая тишь, такой покой, что первые годы Мара побаивалась этого ощущения пустоты вокруг. Однако потом она поняла: духи соединялись с Бессмертным. И это было вовсе не страшно. Самые младшие, болотные огоньки, просто засыпали в мягкой земле. В Ночь Сна лес мерцал: искорки вырывались из-под корней, возникали из осенних туманов, взвивались вверх, сталкиваясь друг с другом с едва слышимым мелодичным звоном и от этого вспыхивая еще ярче. Они резвились, словно дети, готовясь к долгому сну. Однажды Мара видела, как совсем молодой волк скакал по поляне, а вокруг него вились болотные огоньки, играясь с ним. Ведьма хохотала, глядя, как зверь подпрыгивает, пытаясь ухватить клыками сияющий сполох, валится на траву и начинает кататься по земле, довольно ворча, а целая стая искорок кружит над ним. Она и сейчас улыбалась, вспоминая свое ощущение, идущее от волка: счастье. Так огоньки прощались с лесом до самой весны — и в том прощании не было печали. Они все равно знали, что как только ледяная звезда Ярис исчезнет за горизонтом, Бессмертный разбудит их. Нарезвившись вдоволь, все огоньки, словно повинуюсь неслышному зову, взмывали вверх — а затем стремительно падали вниз и проваливались куда-то в теплые недра матери-земли, и еще несколько секунд слышалась их прощальная, звенящая серебряными колокольчиками, песнь. Да над землей таяло призрачное мерцание. Со старшими духами все было иначе.

Мара вдохнула полной грудью — пока еще до осени оставалось несколько рассветов. Нужно насладиться тем, что есть ныне.

Ветер, теплый и ласковый, доверчиво прикоснулся к ее волосам, пропуская сквозь пальцы тяжелые пряди. Он обвил шею прозрачной лентой, принес аромат полыни и сухой травы. Женщина отвела назад руки, словно крылья и счастливо зажмурилась — Дом ее был здесь, в диком лесу, и сама она была Домом.

— Ты все не старишься, ведьма.

Женщина открыла глаза и обернулась. На опушке, прислонившись к дереву, стояла молодая девушка, тоненькая, словно березка. Пепельно-серые прядки, коротко остриженные

и перепутанные, едва прикрывали уши, черные глаза резко выделялись на бледном лице с прямым острым носом и высокими скулами. Мара изогнула бровь:

— И какие же ветра занесли тебя сюда, Хранительница Рощи?

Девушка хохотнула, откидывая со лба мешающую челку:

— Вот так ты приветствуешь новую госпожу Гэллота и свою старую знакомую, Мара?

— А как еще приветствовать — поклоны тебе до самой земли бить? — ведьма все же не смогла сдержать улыбки и подошла поближе к девушке, — Здравствуй, Арна.

Та же в ответ приблизилась к женщине и сдвинула ее плечи в крепких объятиях.

— Здравствуй, моя ведьма. Ты все так же обнимаешь ветра, как я погляжу.

— Что еще остается? — Мара оглядела девушку, — Ты же с дороги, видать. Идем, напою тебя чаем — заодно расскажешь, какими судьбами здесь.

Они направились к северо-западным угольям, где под сенью деревьев прятался домик ведьмы. Ветер, путаясь в листве, неся следом за ними — не часто в мрачном Гарварнском лесу можно увидеть дриаду. Арнаэра жила за десятки верст отсюда, в Вечной Роще, обители юных дев природы. Когда-то давным-давно, будучи еще ребенком, она вместе с матерью бывала в Вергории, городе близ Гарварнского леса — там-то они и повстречались с Марой. Ведьма принесла старому вергорийскому травнику целую кучу ингредиентов для отваров и уже спешила в родной лес, когда на тракте заметила дриад. Путь им предстоял долгий, через весь лес, потому Мара любезно предложила им свою помощь и провела их до самого дальнего уголка, откуда начиналась дорога к Вечной Роще. Когда они прощались, Арна была тощей, неуклюжей девчонкой с торчащими во все стороны прядками волос, больше похожими на перышки. Ведьма хорошо помнила, как крепко обняла ее девчонка, и как сияли ее глаза. И помнила, как сама повесила на шею маленькой дриады крохотный самоцветный камушек, найденный ею на дне ручейка много лет назад.

Сейчас этот камушек мелькал за воротом серой рубахи. Арна выросла и перестала походить на птенца — скорее уж стала молодой птицей. Каждое ее движение наполнилось молодостью, силой, ощущением жизни. На нее можно было смотреть и пить это чувство глотками. Мара незаметно улыбнулась: она никогда не забывала эту девочку. На память о ней у ведьмы тоже кое-что осталось.

Гэллот, сердце Вечной Рощи, царства дриад. Хранительницы Рощи стерегли свою столицу, оберегая ее от чужаков. Даже жительницы ближайших селений — вроде Мириласса или Кворнеля — не имели права заявиться в город без предупреждения. А людям путь в Гэллот и подавно заказан: лишь пленники удостоивались чести созерцать красоту сердца Рощи изнутри. Да и то, с первыми лучами солнца они навеки уносили впечатления от увиденного с собой за Грань. Дриады не нападали на простых путников и на торговые караваны, однако браконьерство в их рощах каралось смертью — либо мгновенной, либо после допроса в чертогах повелительницы.

Однажды Мара бывала в Гэллоте — не как пленница, но как гостя. Немногим удавалось заслужить такое доверие, чтобы сама повелительница пригласила во дворец. Однако кто же знал, что ей доведется сопровождать дочь повелительницы и ее внучку через лес... Расставаясь, Хранительница рощи была настолько благодарна ведьме, что пригласила ее в Гэллот. Через несколько недель Мара пришла к повелительнице.

Гэллот был дивным местом. Деревья здесь верхушками едва ли не задевали облака, а под ногами пружинил мягкий мох. Мара никогда не видела такой природы, даже в родном лесу — казалось, будто все в Гэллоте дышит и живет, каждое деревце и каждый листик.

Высокие деревья с белыми гладкими стволами и бледно-зеленой листвой служили домами для дриад. Арна, встречающая тогда Мару, объяснила ведьме, по какому принципу эти дома «строились». Нижний уровень находился у самой земли — здесь жили дриады-работницы. Их не обучали грамоте, они не владели магическим даром и не принадлежали к числу рьяных воительниц. Они выращивали овощи и зерно, расчищая землю ото мха, пекли знаменитый дриадский хлеб, шили одежду. На их труде держалось благосостояние Гэллота. Выше, над первым ярусом ветвей, располагались дома лучниц. Здесь же находились воздушные тренировочные поля — меж веток постоянно доносился свист стрел, пронзающих мишени, и возбужденный гомон юных дриад, совершенствующих свое мастерство. Еще выше раскинулись хоромы жриц и волшебниц — первые врачевали, молились и толковали видения, вторые помогали там, где первые были бессильны. Жили они в гармонии, лишь иногда споря о том, что же сильнее: божественная благодать или магия. Обычно такие дискуссии пресекались повелительницей, а затем перетекали в дружеские попойки. После оных гармония восстанавливалась: ничто так не сближало дриад, как общее похмелье — пьянки хоть и случались редко, но метко. Наконец, на четвертом уровне, располагался дворец повелительницы.

Мара хорошо помнила, как застыла в восхищении, разглядывая город дриад снизу, с земли. Дома находились внутри громадных стволов — и они не были выдолблены: казалось, что дом является частью дерева. Никаких дверей не наблюдалось: входы прикрывались завесой живых лоз, чьи листья переплетались между собой причудливым узором. Между крепкими ветвями были перекинута веревочные мостики, увитые теми же лозами. И это все стремилось вверх — дома, мостики и лесенки терялись среди серебристой листвы.

Дворец повелительницы представлял собой удивительное зрелище. Больше всего он напоминал бело-зеленый кокон со стрельчатыми арками-входами. На четвертом ярусе со всех сторон к центральному дереву тянулись мосты. Дворец находился в сердце Гэллота в кроне гигантского дерева. Ветви и лозы переплетались, образуя воздушные стены; белые арки, увитые плющом, приглашали войти внутрь. Залы и комнаты дворца соединялись между собой широкими ветвями, и, если бы не провожатая, Мара сразу же заблудилась бы в воздушных лабиринтах. В главном зале пели птицы, сквозь листву пробивалось солнце. В самом центре зала белые тонкие ветви сплетались в трон, на котором восседала повелительница.

Ведьма никогда не забудет эту величественную, хоть и маленькую женщину. Все дриады были тонкокостными и невысокими — самая рослая из них едва бы достала макушкой до груди Мары. Однако колдунья, видя перед собой миниатюрную повелительницу, чувствовала, что в крохотных ладонях повелительницы дриад кроется огромная сила. В легких пепельных прядях волос, казавшихся тончайшими нитями паутины, висела ярко-зеленой лентой неувядающая лоза. Черные глаза повелительницы втягивали в себя блики и изумрудные искры. Ведьма могла лишь догадываться, сколько же лет было за ее плечами — дриада выглядела едва ли старше самой Мары.

Она провела в Гэллоте несколько славных дней, но надолго задерживаться не стала — чем дальше она находилась вдали от родного леса, тем глубже ощущала тяжелую тоску, обнимающую за плечи. Гарварна словно звала ее назад — и женщина простилась с дриадами, с легким сердцем покидая город белых дров. На память о той встрече у ведьмы остался амулет — кусочек застывшей смолы белого дерева. Его она носила вместе с прочими, не снимая. Всякий раз, прикасаясь к связке амулетов, женщина вспоминала прекрасную

повелительницу Гэллота и ее внучку, смешную девочку Арнаэру — которая теперь стала повелительницей.

Дом встретил их светом и запахом яблочного отвара, который Мара варила еще утром. Ширры не было — видимо, кошка умчалась куда-то в лес: как ни крути, жила она-то с лесной ведьмой, потому и сама частенько бродила в укромных тенистых уголках. Арнаэра опустила в плетенное кресло, устало вытягивая тонкие ноги и прикрывая глаза.

— Как же славно... Я совсем измаялась в дороге — а до Варалона мне еще суток трое, не меньше.

— Что ты забыла там? — Мара поставила перед дриадой глиняную кружку, от которой поднимался прозрачный пар, ароматный и закручивающийся спиралями и витками.

— Заключать торговый союз, — та поморщилась, словно от зубной боли, — Ах, Мара, знала бы ты, какая же это гадость — власть.

— Смотря что ты понимаешь под властью, — женщина подняла на Арну глаза, — Можно править жесткой рукой, подчиняя все своей воле, а можно направлять — так, как Бессмертный направляет реку меж холмов, не мешая ей, но и не позволяя воде затопить прибрежные поселения.

— Ишь как говоришь хорошо, тебя бы мне в советники — я бы поглядела, как ты все решила, — буркнула Арнаэра.

— Извини уж. Мое место здесь, с лесом.

— Да, ты на нем помешана, — Арна серебристо рассмеялась.

Мара хмыкнула, глядя на нее. Глубоко внутри, на самом доньшке души Арнаэра осталась все той же любопытной славной девочкой, мечтающей стать лучницей и с восторгом глядящей на весь мир — но нынешняя Арна запрятала светлое детское сердце в жесткую броню и камень. Ведьма видела ее — светлую в стальном, и от этого стало как-то горько. Впрочем, мир стремился вперед. От года к году деревья становились все выше, города — все гуще, а дети — все старше. Только духи не старились. И Мара с ними.

Бессмертный щедро одарил своих детей ощущением жизни — и в чашу добавил капельку горечи. Она видела, как медленно угасают даже самые яркие сердца. Не все, конечно — да и в каждом это сияние жило до того, как вечный бог забирал дух обратно в пустоту, а тело обнимала земля. Но тусклое их мерцание было таким слабым, что не могло разогнать тень, по пятам идущую за ними. Арна была одной из таких путников, и ведьма отдала бы полжизни за то, чтоб вернуть ей свет. Но все в руках великого бога — никак не в ее ладонях. Она хранила лишь то, что могла сохранить, не более и не менее.

Они говорили до тех пор, пока золотой солнечный диск не прошел половину своего пути. Вспоминали былое, смеялись — Арнаэра рассказывала, что произошло в Роце за эти годы. Как она стала повелительницей, когда бабушка передала ей Лозу — символ власти в обители дриад. Как стала лучшей лучницей Гэллота и подтвердила это в бою пару лет назад, в войне с горринарами — полуптицами-полулюдьми, с которыми у них всегда были жуткие стычки. Как готовилась через несколько лет посадить древо-дом для будущей дочери. Ведьма слушала ее, улыбалась и ощущала, как жизнь Арны проходит мимо ее жизни, лишь легонько касаясь ее, и отпускала ту девочку, которую знала так давно. Отпуская — и навек сохраняя в сердце самое светлое, что могла сбересть на память. Прощались они тепло, и, обнимая друг друга на прощание, несколько невыносимо долгих мгновений молчали, глядя друг другу в глаза и безмолвно говоря. Когда Арнаэра направилась прочь от ведьминоного крыльца, Мара поняла, что вряд ли когда-нибудь еще она увидит дриаду. И это было так, как

должно быть. Никак иначе. Тонкие пальцы мягко стиснули застывшую капельку смолы, висящую в ворохе амулетов.

Храни мои следы в сердце.

Ночь принесла с собой прохладный ветер, пригнавший тяжелые дождевые тучи со стороны гор Лореотта. Мара плотно прикрыла дверь и спустилась по деревянным ступеням, позволяя ночному воздуху объять себя. Пахло дождем — стало быть, ближе к утру будет гроза. Встревоженный ветер путался в кронах, по небу пробегали облака, заслоняя собой высокие звезды. Мара прислушалась к лесу: точно, грядет буря, и сильная. И хорошо — земля давно просила влаги, а многочисленные реки и озера уже начинали высыхать. Дождь лишним не будет. Выйдя на полянку вблизи логова вожака, Мара призвала волков. Стая пробудилась, ведьма ощутила радость зверей — те тоже чувляли дождь. По телу пробежала дрожь: время стаи пришло. Тень первым вышел к ней, привычно ластясь к колдунье. Мара усмехнулась — тоже мне, опасный хищник...

Отпустив зверей, Мара прилегла на траву. Мягкие стебли приятно щекотали кожу и путались в волосах. Где-то вдалеке послышался раскат грома, ветер зашелестел еще тревожнее — как и всегда перед дождем. Ведьма смотрела вверх, на качающиеся ветви, и выше — на звезды. Ей не хотелось идти нынче к болотам. Хотелось стать лесом — огромным и необъятным, хотелось прорасти дикой травой в дремучей чаще, стать бурной рекой, шуршать камышом... Стать всем.

В Ночь Сна так и произойдет. В тот самый миг, когда духи уснут, она ощутит это, увидит лес сотней глаз, почувствовав, как сквозь тело проходит поток сумасшедшей, немислимой силы. А затем все снова стихнет, и только в груди разольется блаженная пустота — Бессмертный заберет часть ее духа к себе, до самой весны. Старшие духи не засыпали так, как болотные огоньки. Когда сумерки опускались на лес Гарварны, духи покидали свои владения и со всех уголков леса стекались в самое его сердце — к Древу Бессмертного. Мара ходила к нему уже столько лет — но всякий раз все в ней сладко трепетало при виде исполинского, раскидистого ясеня, чьи ветви возвышались над кронами других деревьев. К его корням тянулись тонкие, прозрачные ручейки — дороги для духов вод. Добраться сюда не смог бы ни один смертный, лишь духи да ведьма. В Ночь Сна к Древу Бессмертного приходили все духи, и тихая песнь разливалась над поляной, укрытой туманом. Здесь всегда царил туман — как и на болотах. Он одеялом укрывал землю, исчезая лишь зимой, прячась туда же, куда прятались духи — в Древо.

У корней, настолько громадных, что и два человека не смогли бы их обхватить, темнел провал. Его окаем, как и весь низ ствола ясеня, был густо оплетен плющом и пестрел бархатными мхами. В густой, словно деготь, тьме провала то и дело вспыхивали бледные, туманные искры, так похожие на болотные огоньки. Мара каждую Ночь Сна заморожено глядела, как духи один за другим подходят к лазу и будто растворяются во тьме и тумане — а вокруг шепоты, шорохи, тихая песнь иного мира... Когда последний дух таял у корней Древа Бессмертного, весь туман мягко, словно по мановению невидимой руки, скользил к провалу и тоже исчезал в нем, словно запечатывая волшебную дверь в вечную пустоту. В тот самый миг тело ведьмы всегда прошивала дрожь, а ноги подкашивались. Потом же наступал покой. Домой она возвращалась ближе к рассвету, чувствуя где-то за пределами себя и всего мира тихий сон духов. Без них природа тоже засыпала, и лес Гарварны медленно укрывался снежной накидкой.

Мара поднялась и направилась к пруду, где совсем недавно повстречала человеческую

дочь, Далею. Ветер трепал черные волосы ведьмы, играл с длинными прядями, путая их. Играй, проказник, играй... Совсем скоро тебя сменит твой брат, холодный и колючий. Резвись, дитя...

Лунный свет блестел потускневшим серебром на черной глади пруда. Белые лилии земными звездами светлели у берегов, и дурманящий аромат кружил голову. На огромном валуне у кромки воды сидела лиреана, расчесывая костяным гребнем водопад волос, напоминающий расплавленное золото. Завидев ведьму, дева вод радостно хлопнула в ладоши:

— Надо же, кто объявился! Я уж думала, что ты забыла о давешней подруге!

Ведьма склонила голову в приветствии:

— Только вчера приходила — кто ж виноват, что днем ты спишь?

Лиреана поправила венок из водорослей и сладко потянулась.

— Даже мне нужно спать. Не могу глядеть на солнце, ты сама знаешь. Но знала бы ты, колдунья, как прекрасен солнечный свет сквозь толщи воды... Ах, Мара! Знала бы ты!.. Вокруг колышутся стебли водяной травы, вода ласкает тело, а сквозь темные волны пробивается золотое сияние... Оно не жжет глаза, не впивается в кожу раскаленными щипцами — нет, оно обволакивает тебя, смешиваясь с водой и становясь с ней единым. Хочешь увидеть солнце со дна?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Пожалуй, я откажусь — топиться пока не собираюсь, — Мара сбросила с себя одежду и вошла в воду, еще хранившую дневное тепло. Лиреана фыркнула:

— А между тем, из тебя бы получилась утопленница дивной красоты.

— Иди к лешему, — беззлобно посоветовала ей ведьма, перевернувшись на спину и глядя на луну.

— Не пойду, он старый и спит вечно, никакого веселья с ним, — парировала лиреана. Немного помолчав, дева вод обратила взор к темному небу, — Чудесная ночь... Чувствуешь?

Чувствую, подумала ведьма. Не такая, как другие. Пьянящая, наполненная предчувствием грозы, тяжелым влажным воздухом и запахом летних цветов. Пахнущая свободой, силой необузданной стихии и диким ветром. В такие ночи обычно происходит что-то великое — либо же просто идет дождь.

Лиреана наблюдала за ней, такая похожая на человека — но совсем иная. Темные ее глаза с искрами янтаря, прикрытые пушистыми ресницами, втягивали в себя все блики — как и у всех духов, очи у нее были что глубокие колодцы. Волосы ее мягкими прядями рассыпались по обнаженной груди и острым плечам, напоминая ручейки золота. Если бы человек увидел одну из лиреан — душу бы продал за то, чтобы обладать ею. Только девы вод издали чуяли смертных и прятались от них на мягком дне. В каждом озере, в каждой речушке жила своя лиреана, рождающаяся вместе с водой и умирающая вместе с ней. Если ручей пересыхал, это могло означать лишь одно: его лиреана тоже ушла к Бессмертному.

Вода была теплой, словно парное молоко. Она ласково обнимала усталое тело, и Мара с наслаждением ощущала, как в каждой клеточке разливается покой и энергия. Ведьма вышла из воды, выжимая отяжелевшие мокрые волосы, и села подле лиреаны. Та мигом вооружилась гребнем и принялась расчесывать черные пряди. Мара позволяла это лишь ей, своей старой приятельнице, хранительнице пруда. Нежные пальцы лиреаны ловко распутывали волосы ведьмы, не выдрал ни единого волоска.

— О чем ты думаешь, колдунья Гарварны?

— О Ночи Сна, — Мара вытянула руку вперед, прикасаясь к незримому другим тонкому ручейку света, — О том, как же славно будет ощутить этот покой.

Лиреана прикрыла глаза, тихонько улыбнувшись: она любила низкий мелодичный голос ведьмы — и терпеть не могла ее немногословность. Дева вод была одной из немногих человекоподобных духов, и ей нравилось говорить, поэтому с Марой она общалась исключительно на языке ведьмы.

— А я не люблю Ночь Сна. Она означает, что я долго не смогу видеть тебя, ведьма.

Мягкий тихий смех Мары смешался с первым раскатом грома, пока еще далеким.

— Для тебя зима — это один миг, дева вод. Оглянуться не успеешь, как придет весна, и мы встретимся.

Лиреана отложила гребень и опустилась рядом с ведьмой, задумчиво глядя на темное небо.

— Миг, да... Сон ведь — что маленькая смерть. Только она может затянуться.

Ведьма молчала, ждала, когда дева вод продолжит. Та тоже коснулась пальцами нити энергии, к которой прикасалась Мара, и мягко подняла ладонь выше, к руке ведьмы.

— Все вокруг такое живое, Мара. Мы видим жизнь, мы ощущаем ее, всей своей бестелесной сутью и всем телом. Наш сон и впрямь короток — мы засыпаем уходим в вечную пустоту. Мы ощущаем, как время тянется сквозь нас. Но не всегда в этом есть тишь и покой. Во времена Белой Смерти наш сон затянулся, — она умолкла, и Мара повернула голову, чтоб видеть ее лицо, — И я впервые боялась, что не проснусь.

— Как это было? — тихо спросила ведьма. Лиреана в ответ пожала плечами.

— Как что-то неправильное, неестественное. То, что не должно было быть. Будто кто-то запер нас, и мы ощущали, как в нашей чистоте нас начинает губить холод. Мы почти умирали тогда.

Мара вновь подняла взгляд в небо. Она помнила Белую Смерть так смутно... Помнила лишь, что тогда погибла ее мать, зеленоглазая Виска. Помнила и то, что тогда впервые ощутила эту пустоту внутри себя — и абсолютную наполненность жизнью, когда зима закончилась. Лиреана верно говорила — Белая Смерть была абсолютно неестественной.

— Это было словно болезнь.

Лиреана кивнула, чуть хмуря тонкие брови.

— Да. Мне с тех пор почему-то тревожно перед Ночью Сна. Как бы снова вот так не заболеть.

Ведьма изогнула уста в ехидной улыбке.

— Ты живешь без малого тысячу лет, старушка, тебя уже никакая зараза не возьмет.

— Ах ты так?!

Лиреана принялась щекотать ведьму, и по лесу прокатился залиvistый хохот. Ветер возмущенно шелестел листвой — нашли время дурачиться! Скоро буря придет, поглядим тогда на ваше веселье! Впрочем, разве может гроза причинить вред детям природы?

Золотые локоны и угольно-черные пряди смешались, разметались волнами на мягкой зеленой траве. Женщины лежали рядом, глядя в небо, медленно затягивающееся темными низкими тучами. Мара чувствовала, как они наливаются влагой, готовой вот-вот пролиться на землю. Раскаты грома слышались все ближе, и в темноте мелькали вспышки молний. Лиреана склонилась над ведьмой и поцеловала ее в лоб:

— Возвращайся в дом, колдунья. Сейчас начнется.

От девы вод пахло водорослями, глубиной и водяными лилиями. Мара усмехнулась

уголками губ, лоя тонкими пальцами легкие пряди золотистых волос.

— Что мне дождь? Я не боюсь промокнуть.

Лиреана покачала головой:

— Возвращайся. Еще успеешь выкупаться в летнем дожде. А сейчас тебе нужно отдохнуть, я знаю.

Ведьма тоже знала. Поэтому не стала спорить с лиреаной и поднялась с земли. Ветер утих — еще несколько минут, и затишье сменится стрелами дождя и громовыми раскатами. Подобрав одежду, Мара обернулась к лиреане:

— И ты бы спряталась... Хотя да, нашла, кому говорить — деве вод.

Лиреана обворожительно улыбнулась, сверкнув темными, как ночь, глазами.

— Раз ты просишь — так уж и быть.

С этими словами златовласая девушка поднялась на ноги и направилась к пруду. Гладь даже не колыхнулась, когда лиреана вошла в воду. Казалось, она сама становилась водой. Золотистые волосы, коснувшиеся глади пруда, словно растворялись в темных глубинах, превращаясь в отсветы молний. Лиреана исчезла во тьме прохладных вод, уходя на мягкое дно в свою колыбель. Мара почти видела, как мирно спит дева вод среди стеблей водорослей.

Первые капли дождя настигли ведьму у самого дома. Тяжелая капля оставила след на бледной щеке, задержалась на подбородке, а затем затерялась в темной волне волос, перекинутых на грудь. Ведьма поглубже вдохнула дурманящий запах дождя, позволив себе вымокнуть до нитки. Очередной сполох зарницы осветил ее, замершую в нескольких шагах от крыльца. Дождь хлестал плетью капель нагое тело, а ведьма улыбалась...

Войдя в дом, женщина развесила мокрую одежду на веревках в углу. Огонь в очаге давно уж потух, и комнату заполняла темнота. Ведьма тихо прошла в спальню. Отыскав подушку и пару простыней, Мара застелила себе постель. Гроза за окном бушевала, капли барабанили по стеклу. Этот звук всегда успокаивал ведьму. Забравшись на печь, колдунья укрылась второй простыней — слишком жарко еще для одеял — и прикрыла веки. Дождь убаюкивал ее. Шум снаружи казался материнской колыбельной. Мара смутно помнила руки матери и ее красивое лицо, но каждую ночь слышала слова старой, давно забытой смертными колыбельной песни. Ночь сама напевала ее ведьме, и женщина, приходя в свой дом под утро и забываясь во сне, спала спокойно. Она не видела кошмаров и не металась в беспамятстве. Она проваливалась в густую темноту, где был лишь ускользящий силуэт и тихий, ласковый голос.

===== Глава 3. Криница Бессмертного =====

Дожди шли до самого последнего летнего дня, и за это время плоды успели налиться спелостью. Жители Фаулира нарадоваться не могли — матушка-земля щедро одарила в нынешнем году, будет чем привечать осень. Уже совсем скоро настанет веселая пора сбора урожая — особенно ей радовались дети. Их брали на общее поле, и они носились меж вырастающих под руками селян снопов, залиvisto хохоча. Мальчишки регулярно совершали набеги на все фаулирские сады, обнося яблони едва ли не лучше птиц. Деревенский голова чуть ли не каждый вечер собирал на Колодезной площади всех местных сорванцов и так орал, что ведьма, скитающаяся у кромки леса, слышала каждое слово. Естественно, мальчишки ни в чем не признавались и раскаиваться не собирались, поэтому голова отпускал всех по домам, грозясь отыскать негодников и выпороть их перед всей деревней. Негодники, впрочем, не особо страшились наказания, поэтому каждый вечер в Фаулире

начинался с новых воплей.

Ночи уже стали зябкими, холодными — но это совсем не мешало Маре прогуливаться босой и любоваться звездопадами. Даже на болота она приходила не реже, чем хмельным летом — здесь ее всегда ждали.

У вас есть музыка?

Синее небо, а в нем — звенящая птичья трель.

Иль-вэане, медленно раскачивающаяся из стороны в сторону, на один миг замерла, уставившись на ведьму. Тонкие уста изогнулись в подобии улыбки — только если бы кто такую улыбку увидел, тот час же поседел бы.

Музыка? Илеванны поют. Это музыка.

Спой мне.

Дух склонил голову набок.

Мы поем видениями.

Мара ощутила, как сердце наполняется трепетом. Когда иль-вэане говорила с ней образами, это было так невысказанно красиво, что реальный мир еще какое-то время спустя казался блеклым и тусклым. Она понятия не имела, как должны звучать песни на языке видений. Женщина кивнула, не отрывая немигающего взгляда от болотного духа. Я готова, древняя.

Живой туман над головой иль-вэане колыхнулся, словно волосы на ветру. Дух приподнял руки, и ее пальцы коснулись лунного отсвета. А в следующий миг мир рассыпался, обернувшись цветным песком.

Ведьма задрожала, откидывая голову назад и заставляя себя ощущать все предельно остро — так, чтобы впилося в память до конца дней. Она видела сотни ярких, мерцающих вспышек так ясно, словно кто-то разлил перед ней северное сияние из серебряного флакона. Иль-вэане невесомо прикасалась то к одному сполоху, то к другому, и Мара слышала песнь мира и тонких сил, иглами прошивающих этот мир насквозь.

Колдовство имеет запах, цвет — даже вкус. Колдовство имеет звук. Все живое, все, что создано руками пустоты, поет. Эта земля, рожденная из звездной пыли, звучала тихим глубоким напевом, проникающим куда-то глубоко в сознание. Небо пело нежно, его голос напоминал материнскую колыбельную, и в нее вплетался звон звезд и ласковый напев ветра. Сердцем билось где-то в вечной темноте спящее солнце — словно чья-то уверенная ладонь легко била в туго натянутую кожу на деревянном обруче, и гулкий стук соединялся с единым ритмом жизни и смерти. Чуть быстрее и более рвано в этом ритме слышались сердца живых существ. Звук колдовства и энергий же был похож на русалочью песню, которую вели сотни голосов — глубокие и высокие, тихие и яркие, вибрирующие и затихающие, наполненные силой. В этом хаосе звука и цвета Мара ощущала и свою песнь — дикую, звучную, россыпь лунных колокольчиков из хрусталя и звездных искр. Колдовство пахло лесом, озерной водой, дымом древних костров, увядшими васильками и снегом. Волчьей шерстью. Колдовство напоминало вспышки болотных огней — переливалось их светом, серебрилось лунными лучами, звучало мелодией без единого слова. Она слышала песнь иль-вэане и песни других духов, и это было так хорошо, так божественно верно... Единственно верно...

Хоровод образов заплетался в песнь, в странные стихи. Только смотреть да слушать...

В этой песне была радость — и тоска, такая горькая, что сердце болезненно сжималось. Мара видела обрыв, заросший вереском, над которым разбивался осколками свет миллиардов звезд, и все они были так близко — дотянись, схвати рукою, прикоснись

губами... Внизу, разбиваясь о стальные камни, бушевало бессонное море, и в темной зелени его волн жидким серебром плавилось отражение луны. В этом была вечность. То, что завершается однажды и начинается вновь, сплетая новый виток времени со старыми. Рука младенца в иссохшей руке старика. Молодой росток у корня сухого дерева.

Когда иль-вэане закончила петь, рассвет уже брезжил на горизонте. Мара озиралась по сторонам, не осознавая, где она. Ей казалось, что в какой-то момент она стала гораздо большим, чем всегда была, и сейчас, когда ощущение растворения в мире пропало, женщине отчаянно захотелось вернуть его. Однако печаль быстро свернулась мягким клубком у сердца — все повторится однажды. Ничто не имеет конца.

По тонким женским плечам пробежались волной мурашки. Летний ветер взметнул вверх тяжелые мягкие волосы, на прощание растрепывая их теплой ладонью, и взвился к небу, чтобы раствориться меж облаков, пока не придет его время. На смену ему пришел другой, в сером плаще осенних облаков, златоглазый и задумчивый. Ветер осени обнял ведьму, словно старую подругу — он был рад ей. Да и она ему.

Первое осеннее утро было промозглым, но чем выше солнце поднималось над горизонтом, тем сильнее пригревало солнце, и вскоре лес уже наполнился золотистым сиянием. Но что-то незримо изменилось вокруг, в самом сердце леса. Мара улыбнулась, ощущая на бледных губах сладковатый дымный привкус. Прекрасное утро для прогулок.

Путь терялся в густой росистой траве, змеясь неприметной тропинкой. Мара тихонько напевала незатейливую песенку, довольно улыбаясь. Солнце, поднимающееся все выше и выше, золотило лесные кущи, где-то в вышине пели птицы. Совсем скоро здесь будет стоять белоснежная тишина, и лишь немногие будут ощущать, что на самом деле лес лишь ненадолго уснул. Леса Гарварны, окутанные мягким сиянием, дышали покоем и величием природы. Ведьма знала: здешняя сила трав и деревьев огромна. Все здесь живет — даже мшистые валуны, тянущиеся вдоль тропы. Впрочем, не только они: существо, устроившееся на одном из таких гигантских камней, было более чем живым.

— С-с-стой, с-с-смертный! Дальш-ш-ше ты не пройдеши-ш-шь, ибо здес-с-сь — мои владения! — прошипело существо, увидев силуэт Мары на тропе. Ведьма остановилась, оперев руки в бока:

— Что-то ты совсем ослепла — или страх потеряла, как я погляжу...

Кельди прищурила огромные глаза и ослабилась:

— Ах, это ты, лес-с-сная ведьма? Ну, прос-с-сти — не признала. Куда путь держиш-ш-шь?

Мара подошла поближе и присела на камень рядом с духом:

— Куда глаза глядят. Помнится, эта тропа ведет к пещерам.

Кельди склонила голову набок, разглядывая ведьму разноцветными глазами. Дикий дух был невысоким, хрупким существом с бледной кожей — такой тонкой, что кельди окутывало призрачное сияние. Спутанные волосы всколоченными темно-зелеными прядями падали на лицо и тело. Несмотря на внешнюю схожесть с человеком, существо было зловещим, жутким. Глаза кельди пугали больше всего остального: один казался угольно-черным провалом тьмы, а второй мерцал всеми оттенками изумрудной листвы. Из-за спины духа выглядывали темные кожистые крылья, словно у громадной летучей мыши. Она казалась страшной — но даже ребенок знал, насколько безобидны эти духи. Разве что жутко болтливы (из всех духов кельди и лиреаны были самыми приспособленными к произношению человеческой речи) да больно пакостны — за привычку наводить мороки на

каждого встречного их прозвали бесями. Духи с радостью оправдывали данное им имя и могли взбесить кого угодно своими проделками. Да только не Мару. Кельди хрипло рассмеялась:

— Ты так уверенна, лес-с-сная ведьма? А вдруг я с-с-спутала вс-с-се тропы здес-с-сь?

— Уверенна. Ты же ленивая. Делать тебе нечего, как бродить да новые дороги протаптывать. И прекрати уже шипеть — свои балаганные фокусы другим показывай. Я ж тебя знаю, бесь несносная.

Кельди помрачнела, досадливо царапнув длинными когтями шероховатую поверхность камня:

— Вот всегда ты так, ведьма, все портишь! Даже красоту игры не ценишь, — голос у кельди оказался звонким, высоким. Дух шипел лишь для того, чтоб нагнать страху.

— Ага. Идем, проводишь меня, кости старые заодно погреешь.

— Я и грела, пока ты на мою голову не явилась, — огрызнулась кельди, но с валуна спрыгнула. Мара пошла дальше по дороге, а дух приподнялся над землей, удерживаясь в воздухе легкими взмахами крыльев, — Что нового, ведьма?

— Да ничего. Все по-старому. Хочу до Ночи Сна повидать старых друзей — а то потом же не разбужу вас средь зимы.

Кельди вдруг мрачно сверкнула глазами и тихонько прошипела:

— Это уж точно, ведьма... Не разбудишь...

Мара ощутила легкую тревогу. Что-то в интонации духа не понравилось ей. Впрочем, захочет — сама скажет. Некоторое время они шли бок о бок, размышляя каждая о своем. Мара искоса наблюдала, как кельди проходит сквозь деревья и ветви, и ни один листок не дрожал, когда ее крылья задевали кучерявый кустарник. Плоть и кровь духов — сама природа. Но, несмотря на это, они вполне могли нанести телесный вред человеку, если хотели того.

Молчание нарушила кельди:

— Ярис взошла на небо.

Мара застыла. Ярис, звезда зимы, загоралась в темной вышине в Ночь Сна — ни днем раньше и ни днем позже. Так было с самого начала сотворения мира.

— Ты уверена? — Мара хмуро взглянула на духа. Та раздраженно дернула крылом — так быстро, словно молния метнулась.

— Принимаешь меня за новорожденного болотного огонька? Уверена — я сама видела ее нынче ночью. И сестры видели. Она огромна, Мара, как никогда огромна...

— Но Бессмертный еще не зовет вас?

— Нет, — кельди покачала головой, — Лес не хочет покуда засыпать, и мы вместе с ним. Круг еще не замкнулся.

— И то славно. Коли так, все в порядке, — Мара и сама не больно-то верила в свои слова — не каждый день звезда, из века в век рождающаяся на небе в один и тот же час, начинала новый путь по небосклону на два месяца раньше положенного срока.

Кельди вяло кивнула. Она прекрасно ощущала, о чем думает ведьма, и была абсолютно согласна с ней — однако сейчас они лишь ворошили пыль, не более того. Ведьма взглянула вверх, на синие просветы неба сквозь яркую зелень. Солнце успело проделать больше половины пути, пока они с кельди продирались сквозь заросли по не приметной тропке. Дух остановился:

— Дальше не пойду, Мара. Сама уж иди, я к сестрам вернусь. О, постой! — кельди

скрылась в зарослях. Громкий треск в кустах и ругань свидетельствовали о том, что дух пытается что-то отыскать. Через пару минут кельди возникла перед ведьмой с холщовым, грубо сшитым мешочком в руках, который тут же протянула Маре, — Держи вот! Клюква сушеная, тебе в дорогу. Сама собирала на болотах, сама сушила...

— Сама ткань для мешочка воровала у путника, остановившегося на ночлег в здешних местах, — ехидно подсказала ведьма, пряча дар кельди в сумку, — У тебя там тайник, что ль?

— Не без этого, — скромно потупилась кельди, — Прощай, ведьма. Доброй тебе дороги.

— Спасибо. Увидимся в Ночь Сна.

Кельди изящно склонила голову в знак прощания, а затем, приподнявшись в воздух, картинно протянула руки к ведьме и зашипела:

— До с-с-свидания, чародейка. Будь ос-с-ссторожна, ибо лес-с-с — опас-с-сное мес-с-сто...

Мара вздохнула, усмехнулась и продолжила путь сквозь гарварнские леса. Ведьма чувствовала, что кельди глядит ей вослед разноцветными глазами — пока женщина не скрылась в глубине чащи.

Бесконечные леса Гарварны тянутся из самого сердца Бар-эс-Тиллада и расползаются темным пятном по всему континенту. На картах видно, как от центра — самой дремучей чащи — расходятся ручейки-рощи, близ которых ютятся города и селения. Лес все разрастается, окружает деревьями тракты и дорожки, а старые люди говорят, что однажды весь Бар-эс-Тиллад сгинет под лесами Гарварны...

День в пути пролетел быстро и незаметно. К вечеру Мара наконец выбралась к неглубокому овражку, стены которого густо заросли темной зеленью плюща — он-то и скрывал вход в Криницу Бессмертного. Мара спустилась по крутому склону, придерживаясь за вылезшие жесткими петлями корни деревьев и дикой лозы. Когда она наконец оказалась в каньоне, солнце уже целовало край земли. Первый осенний вечер, пахнущий дорожной пылью и дикими травами, обнимал колдунью. Мара глубоко вдохнула терпко-сладкий воздух и закрыла глаза, опускаясь на нагретую солнцем землю и ощущая каждым позвонком дрожащую нить энергии, тянущуюся глубоко под почвой. Ощутила стаю, все еще прячущуюся в своих норах. Ощутила, как златовласая лиреана выныривает из темных глубин пруда, сбрасывая с себя оковы сна. Ощутила, как просыпается то, что веками живет во тьме ночей — дикое, сильное и свободное. Не причиняющее ни вред, ни благодать.

Ведьма знала — нужно отпустить волков, прежде чем она спустится во тьму Криницы. Они слышали зов, где бы она ни была, но ей необходимо было увидеть Тень. Мара дышала медленно и глубоко, вслушиваясь в биение своего сердца. Гулкая тишина внутри нее не имела ничего общего с лесной тишиной, в которой жили тысячи звуков. Ведьма считала: раз-два, раз-два, раз-два... Пока ее сердце наконец не остановилось. В тот самый миг она успела увидеть в калейдоскопе цветных искр, из которых состоял мир, золотистый клубок в молочном мареве тумана — ту нить энергии, которая рождала духов и тонкие видения, сердце Бессмертного. Словно золотая вышивка на сером бархате... Увидела — и всей сутью своей устремилась к нему, сбрасывая одну оболочку и обретая совсем иную.

Волчица, сотканная из тончайших витков тумана, поднялась с земли и отряхнулась. Огляделась, привыкая к новым ощущениям и запахам, ударившим ее в момент пробуждения. Луна скользнула серебристым светом по призрачной шерсти животного. Волчица

переступила с лапы на лапу, озираясь по сторонам. Рядом лежала молодая женщина — казалось, она спала, но зверь не слышал ее дыхания. Волчица склонила голову набок: да уж, ведьма, как бы не приняли за труп... Ну да ладно. Быстро вернусь.

Под лапами пружинила мягкая трава. Призрачная волчица неслась меж деревьев с огромной скоростью — человек не заметил бы мелькнувшую туманную тень, не почувствовал бы ее движения, даже если бы она пробежала в двух шагах от него. Духи — те заметили бы. Они были такими же, точно такими же, как и она в этот момент. Волчица наслаждалась своим бегом и свободой от тела. Ночь только начинается... Она с сожалением отогнала мысли о свободе — ее тело не продержится без нее долго.

Волчица выбежала на освещенную луной поляну. В обычное время она призывала волков колдовским зовом, данным ей еще при рождении. Закрывая глаза, она соединялась со всем миром и будила своих братьев. Сейчас же — иначе. Все будет иначе... Наконец-то.

Подняв морду к небу, волчица закрыла глаза и коротко взвыла. Когда тихий звук, больше похожий на плач или осторожную распевку, смолк в лесной тиши, в груди зверя родился настоящий вой. Волчья песня, эхом отозвавшаяся во всех уголках леса, шла от самого сердца. Дух, прячущийся в теле ведьмы, наконец ощущал свободу.

Тень вышел на поляну первым — как и всегда. Старый волк смотрел на дикого туманного зверя несколько долгих мгновений, а затем присоединился к ней. Песня разливалась в тишине густой волной серебра. Лунный свет, огромная тоска, кровь и бесконечный бег вплетались в мелодию звериных голосов. Пляска огоньков, круговерть времени. Огненное колесо со спицами, гаснущими по одной и загорающимися вновь. Одно живое сердце, одна песнь — та же, которую Мара слышала глубокой ночью. Лес слышал своих детей, а ветер беспокойно качал кроны столетних древ. Тихий шелест вторил волчьему вою, соединяясь с ним в самую древнюю песню мира.

Волк взглянул на нее, и в янтарных его глазах плавился свет. Ни образа, ни звука, ни слова — они стояли друг напротив друга, ощущая все несказанное. Тень склонил косматую голову, а затем неспешно потрусил в гущу деревьев, ведя за собой братьев и сестер. Мара проводила его взглядом и сорвалась с места стрелой, скрывшись среди деревьев. Волчица бежала так быстро, как только могла, захлебываясь ветром и этим волшебным чувством свободы. Скорее, еще скорее, до боли в лапах!.. Над головой мелькали звезды и паутины ветвей, и ей отчаянно хотелось остаться. Она бы вечность была вот такой, засыпала бы зимой с другими детьми Бессмертного, ощущала бы бесконечность гораздо ярче, чем ощущает ее ныне. Здесь, вот так, вот такой — остаться и не возвращаться, позволить желанию взять над ней верх и... Нет.

В темноте гораздо больше цветов, чем видят люди. Она не ограничена черным и темно-синим, серым и бурым. В ней — сотни оттенков и поразительных сочетаний. Волчица глядела на собственное тело, лежащее на траве. Лунный луч гладил острый профиль и бросал нежные тени на скулы, ключицы, шею, на плечи, едва прикрытые белым воротом. Черты ее лица истончились, казались эфемерными и ломкими. Неужели так важно возвращаться в эту оболочку? Становиться уязвимым созданием, которое так похоже на хрупкий тростник — того и гляди, сломается на ветру... Волчица почти по-человечески вздохнула и шагнула к телу, закрыв глаза и внутренним взором находя то самое золотистое свечение с родным, до боли знакомым запахом.

Пустота нахлынула внезапно и резко, растекаясь по нервам горячим свинцом. Ведьма изогнулась, хватая ртом воздух и давя в груди пронзительный крик.

— Чтоб тебя... — прошипела женщина, разжимая кулак. Дух всегда возвращался так, словно мстил ей за вынужденное заточение в человеческом теле.

Каждый раз так, словно сотни игл пронзают тело. Каждый раз кровь стучит в висках, а сердце в бешеном ритме колотится о клетку ребер, грозясь разорваться. Мара выругалась сквозь зубы, прикрывая дрожащие веки. Дышать. Спокойно, глубоко. Дышать.

Когда ощущения собственного тела вновь стали привычными, женщина поднялась с земли. На ладони остались кровоточащие полумесяцы — следы ногтей, впившихся в кожу, когда дух метался в ней словно зверь, загнанный в клетку. Вдохнув поглубже, ведьма заставила мир вновь рассыпаться искрами, убедившись, что видит так же, как и раньше. Изменений не было, поэтому Мара окинула взглядом окружающий пейзаж, ставший обыкновенным, и направилась к входу в пещеры.

О Кринице Бессмертного не слагали легенды, не рассказывали юным ведунам и ведьмам — может, потому, что о ней и не знал никто. Разве что Мара, чье любопытство и чуткость однажды привели ее сюда по лазоревой ниточке, видимой только ее глазам — да глазам духов. Тогда она была совсем девчонкой, худощавой и неуклюжей, и исцарапала все коленки и локти, пока спустилась в овраг. Она уже могла ощущать мир так, как ощущали его духи — пусть не так ярко и остро, но могла. Поэтому когда девчушка ощутила пустоту за завесой лозы, она не колебалась ни минуты.

Маленькая Мара, впервые увидевшая пещеры, несколько долгих минут не могла пошевелиться, застыв в изумлении у самого входа. Корни оплели своды и потолок пещеры так, что земля не ссыпалась вниз. На узловатых переплетениях мерцал росой темно-зеленый мшистый покров, на котором спали самые древние болотные огоньки. Эти никогда не резвились — они хранили покой этого места. Один из них приподнялся, потянулся к Маре ниточкой энергии, и, убедившись, что зла она не несет, опустился на свое ложе. А ободранная, нескладная девчонка во все глаза глядела на каменный круг, опоясывающий кольцом крошечное озеро в самом центре пещеры. Холодная кожа древних валунов в человеческий рост была иссечена неведомыми узорами — юная ведьма чуть не вскрикнула от восторга, разглядев цвет их силы: символы мерцали густой синевой, небесной лазурью, темной — и почти прозрачной. Сила переливалась в оттенках синего, пульсировала где-то в сердцах камней. Дрожа и едва дыша, Мара подошла к ним ближе, протягивая узкую ладошку к шершавой поверхности...

А затем было прикосновение, знание, прошивающее тело насквозь, глаза Бессмертного, глядящие прямо в душу, неведомое доселе наслаждение, вихрь чувств и ощущений — и тишина, мгновенно заполнившая ее до краев. Задышавшись, девочка опустилась на пол, прикрыв трепещущие ресницы и прижавшись лбом к холодному камню. Сила звенела в ней, как звенит сталь, принимающая на себя удар.

В маленьком озерце не было дна. Немного придя в себя, девочка склонилась над гладью, силясь рассмотреть что-либо — и увидела лишь пустоту, в которой где-то далеко-далеко вспыхивали и гасли золотые крохотные звезды. Мара зачерпнула воду ладонью и приникла к ней устами. На губах остался сладковатый привкус, свежий и сильный.

Колодец бога. Его купель...

С тех самых пор прошло много лет. Но Мара никогда не забывала об этом дивном месте и частенько приходила в пещеры, чтобы ощутить покой, посидеть на берегу бездонного озера, наблюдая за секундными вспышками под толщей ледяной воды — или не воды вовсе? Ведьма до сих пор не была уверена, что это — именно жидкость, а не чистая энергия, из

которой рождалась жизнь духов.

В пещере ничего не изменилось. Мара понятия не имела, откуда в Кринице Бессмертного оказались камни силы — ничего не говорило о том, создал ли это место человек или дух. Она не могла да и не хотела проникать под зыбкую завесу былого, чтоб рассмотреть видения прошлого. Однако сейчас, когда ведьма замерла на берегу озерца и глядела сквозь темноту воды, ей отчаянно хотелось, чтобы кто-то из древних поведал ей об этом месте.

Женщина опустилась на гладкий пол пещеры, который был на удивление теплым, и привычно привалилась спиной к камню. Лопатками ведьма чувствовала душу валуна. Есть ли у неживой, навеки застывшей холодной глыбы душа? Сердце сладко заныло, отзываясь на силу, бьющуюся в камне. Мара усмехнулась: есть. Она знала это совершенно точно. Камни помнили весь мир с того самого момента, как крепкая порода раскололась, рассыпаясь осколками на земле. Каждое касание, каждое дуновение ветерка — они запечатывали глубоко в своей памяти, живые и древние, словно лесные духи. Они были хранителями веков. На их коже оставалось дыхание мира и следы тех, кто рождался, жил и умирал на этой земле.

Однажды я точно так же останусь во всем живом. Уйду в землю, а сквозь меня будут прорасти травы... Я стану ими, буду тянуться к солнцу всей сутью своей — а ветер возьмет мои семена и унесет их далеко за море. Некоторые просыплются в воду, и я стану водой. Некоторые поднимутся так высоко, что соединятся с небом, со звездами, и я стану вечной. Смерти нет. Есть лишь продолжение...

Сердце билось мерно, гулко, дыхание было глубоким и спокойным. Ее тело заполнял покой и тишина. Ей казалось, что под кожей ее — необъятная темнота, в которой живут и умирают золотые звезды. Мара села на колени и склонилась над гладью, ловя на недвижимой поверхности собственное отражение. Пряди смоляных волос, свесившихся через плечо, нежно мазнули холодную воду. Ведьма глядела в собственные серые глаза и на дне зрачков видела те самые сполохи, гаснущие в воде.

Мы такие древние... Вечные и древние. Сколько же в нас памяти, сколько же в нас миров?..

Много, девочка.

Ведьма вздрогнула, оборачиваясь туда, откуда пришел образ. Прямо из темноты пещеры в самую ее душу глядели сияющие очи, такие же черные, как и вода в бездонном озере.

===== Глава 4. Разговор с древним =====

Существо, глядющему на ведьму из полумрака пещеры, лет было едва ли не столько же, сколько самому первому дереву Гарварнских лесов. Мара тут же поднялась на ноги и низко поклонилась духу, не смея даже вновь взглянуть на него: фаралла не любили, когда те, кто имеют плоть и кровь, смотрели на них или делали лишние движения.

Подними глаза, дочь Бессмертного.

Мара вскинула голову, ощущая себя ничтожно маленькой в сравнении с древним духом. Существо было небольшого роста — но за каждой черточкой нечеловеческого лица ощущалась мощь ушедших столетий и немислимая, пугающая сила. Фаралла мог играючи переломить ее разум, как ветер ломает тростник. Мог затянуть ее в плен своего сознания, просто глядя ей в глаза, и тогда она навеки бы осталась в паутине его видений, потерянная для реальности. Дух мог отобрать ее силы, выпить ее до самого доньшка, сотворить из нее бездушную куклу...

Фаралла лишь смотрел, и в нем Мара ощущала покой. Сегодня она в безопасности.

Древний дух, воплощение вечного хаоса, из которого произрастает жизнь, появился в Гарварне сотни веков назад. Тогда здесь еще была пустошь — равнина, изобилующая травами и сетями быстрых речушек. Да горные хребты, взрезающие кожу земли. Но когда фаралла явились, из темных недр ввысь начали тянуться первые несмелые росточки, с каждым годом поднимающиеся все выше, обрастающие корой и переплетениями ветвей. Фаралла считались хранителями дикой, естественной силы — и Мара знала: во всем лесу Гарварны их осталось всего трое. Постепенно фаралла уходили к Бессмертному, считая, что их миссия на земле завершается. Диких уголков оставалось все меньше, и древние духи один за другим отдавали лесу самих себя — когда Бессмертный забирал их, колоссальная энергия, скопившаяся внутри оболочки фаралла, рассеивалась, наполняя все живое вокруг. Мара слышала, что точно так же гибнут звезды — но все же в это было сложно поверить. Впрочем, люди не верят в духов — и что же с того?

Будто свитый из черного тумана тонкий усик потянулся к лицу Мары. Женщина даже не дернулась, когда он коснулся ее лба — хотя ощущения были жуткие. Казалось, будто сквозь тело пропустили тысячи крохотных иголок, ледяных кристалликов, которые не расплавит даже жаркое летнее солнце. И вместе с тем привычная, драгоценная пустота в сердце начала утекать песком, прямо к черному туману, подпитывая его. Фаралла убрал свою своеобразную руку от ее лица, одобрительно что-то хмыкнув, и ведьма чуть не упала ничком, чудом удержавшись на ногах. Если одно прикосновение духа настолько сильно подкашивало ее, то что же будет, если дух решит однажды выпить ее?

Бесплотное существо наконец подошло ближе, и ведьма смогла рассмотреть его получше — если только тьму можно было видеть. У фаралла были черные глаза, цепкие, живые — и звериные. Мара знала, что всякий зверь и всякая птица примут духа за своего, стоило тому только появиться на территории животного. Древние были инстинктивны. Они не жили по законам смертных и бессмертных. Они жили по своим собственным правилам.

Тело духа постоянно меняло свои очертания — весь он состоял из черных туманных витков, таких густых, что они почти заменяли ему плоть. И только лицо оставалось все тем же, и на нем не отражалось ни одно чувство, ни одна эмоция. Только глаза выдавали, что фаралла что-то ощущает.

Существо, чье тело больше всего напоминало тело хищной кошки, опустилось рядом с Марой и вольготно растянулось на полу. Ведьме отчаянно хотелось зачерпнуть рукой этот черный туман, узнать, какой он на ощупь — но, вспомнив прикосновение фаралла, женщина остыла. погоди, ведьма, доиграешься — он тебя так потрогает, что разум с телом не соберешь.

Дух, казалось, не слышала ее мысли — или же сделал вид. Глаза фаралла чуть сощурились.

— Ты спрашивала, сколько в нас памяти, дочь Бессмертного. — дух помедлил. Его голос, песнь былого, нынешнего и будущего, дробился в пещере эхом, словно падающая с высоты вода разбивалась о камни, — Я скажу тебе. Ты — ты помнишь мир с самого начала. Как и все, в ком есть пустота. Ты знаешь столько всего, дочь Бессмертного... Но ты забыла.

Свистящий шепот скользнул по коже, и Мара оцепенела. Она не боялась фаралла, нет. Но внутри нее, где-то глубоко в сердце, пульсировал тревожным комком первобытный ужас. Ведьма удерживала его, не позволяя ему охватить всю себя — фаралла очень любили играть так. Как только страх проникнет в каждую клеточку тела, бесплотный дух выпивал разум и

душу того несчастного, кто не сумел проконтролировать себя самого. Одним лишь прикосновением фаралла отнимал у жертвы все — и делал это легко, спокойно, не раздумывая, кто перед ним: бедняк, старый маг или сам король. Вокруг существа сияла тьма. Не зло, нет — всего лишь тьма. Но и этого было довольно.

— Что забыла, древний? — голос звучал мягко, но уверенно. А внутри дрожали натянутые до предела струны — и если их подтянуть еще совсем чуть-чуть, они лопнут, одна за другой. Это была игра. И Мара с каким-то странным удивлением осознала, что эта игра нравится ей.

Посмотрим, кто кого.

— Ты смеешь ставить вопрос так? — вместе со словами пришел и образ. Волна, высокая ледяная волна, обломки кораблей, морские чудовища — вся громада океана обрушилась на нее в один миг. Видение было таким ярким, что Мара пропустила удар сердца, ослепнув на короткое мгновение. Образ выражал гнев — но ведьма чуяла, что он был фальшивым. Если бы фаралла действительно разгневался на нее, видение было бы в сотню раз мощнее. И после него она вряд ли смогла бы мыслить. Собравшись с силами, женщина заставила себе не поддаваться волнам паники, накатывающим на нее. Сейчас нельзя опускать глаза. Нельзя оглядываться.

— Смею. Бессмертный завещал нам напоминать друг другу то, какую ношу мы несем на себе, если сами вдруг забудем. Напомни мне, древний — что же я забыла?

Глаза фаралла сузились еще больше. Теперь дух действительно походил на пантеру — притом готовую в любой момент напасть и разодрать в клочья.

— Ты остра на язык. Слишком остра.

— Мне говорили, — ведьма дернула плечом, — Так что же?

Фаралла помолчал, пронзительно глядя на нее. Затем тихо молвил, ловя взглядом отблески в темном пруду.

— Ты забыла время, когда наш мир был еще совсем юным. Когда этот лес был маленькой рощицей, и деревца в ней были чуть выше тебя самой, дочь Бессмертного. Когда новые звезды зажигались на небосклоне каждую секунду, и вспышки эти озаряли ночь. Помнишь это, девочка?

Мара усмехнулась уголком рта.

— Нет, древний. Тогда, видимо, я еще была в пустоте.

— Пустота помнит все, дочь Бессмертного. Запомни это раз и навсегда.

Новый образ хлестнул плетью, и ведьма с трудом отбросила его, смягчив удар по своему сознанию. Огненный хлыст, а с него — осыпающийся пепел. Так дух порицал ее.

— И разве ты не помнишь, как впервые над лесом взошла Ярис? Помнишь этот ломкий, хрустальный свет, ее холодные лучи, ее тихий зов? Как мы уходили тогда в колыбель... А она глядела на нас с небес, и та ее улыбка... Помнишь?

Ведьма вновь ощутила, как страх липкой ладонью сжимает горло. Дух не говорил ничего, что могло бы вызвать это чувство — однако что-то в его словах было жутким. Взгляд звезды, чье имя — Ярис, и ее ледяная улыбка.

Образ сам родился из темноты — фаралла не делился с ней видением: оно пришло само собой. Синие, пронзительно синие глаза с голубыми искрами у самых зрачков, кожа блее снега, паутина белоснежных ресниц, острый профиль. Бледные губы, так тонко очерченные, изломанные усмешкой. Мара смотрела в глаза видению, когда оно медленно растаяло, сменившись иным: черный шелк неба, а в нем, ярче других, сияет ледяная Ярис. Ведьма

резко вздохнула — образ обжег всю душу холодом, да таким, словно в прорубь окунулась.

— Значит, помнишь, — в голосе фаралла ведьме послышалось одобрение, — Хорошо, дочь Бессмертного. Значит, вспомнишь и то, что должна.

— Что? — женщина вновь вскинула на духа взгляд. Черный туман колыхнулся так, словно фаралла склонил голову набок.

— Я уже ответил тебе: то, что должна.

Мара ощутила, как в ней поднимается раздражение, однако вовремя подавила его, лишь скрипнув зубами. Выбивать из фаралла ответ — бесполезно. Скорее уж дух искалечит любопытствующего не в меру, чем даст хоть одну подсказку к своим загадкам.

— Зачем ты говоришь мне все это, древний? — женщина покачала головой, — Почему ты вспомнил о Ярис?

Фаралла резко подался вперед, и его глаза цепко впились в глаза Мары. Зверь, мелькнуло в голове ведьмы. Опасный, умный и невероятно древний.

— Потому что она вновь пришла. И нам снова нужно поворачивать колесо.

Очередная загадка. Боги, сколько же их еще будет...

— Я не понимаю, о чем ты говоришь, древний, — Мара чуть нахмурилась, — Не надеюсь, что пойму.

— Поймешь, — фаралла не спешил отодвигаться от нее, все так же сверля ее взглядом, — Круг придется замкнуть тебе.

Язвительный внутренний голос чуть было не высказал все, что думал по этому поводу, но что-то подсказывало Маре, что ехидство сейчас будет неуместным. Она лишь кивнула — все это нужно обдумать и понять, что за круг, и что нужно делать ей. И главное, почему. Словно сжалившись над ней, фаралла добавил:

— Слишком многое забыто тобою, дочь Бессмертного. Найди хеледов — они помогут вспомнить то, что тебе нужно.

Ведьма чуть склонила голову в знак благодарности и уважения. Фаралла нельзя исправить. Их сущность нужно было лишь принимать.

Фаралла тем временем одним плавным движением очутился за несколько шагов от Мары и сейчас продолжал глядеть на нее полными глазами.

— Слушай меня внимательно, девочка. Нас осталось лишь трое — а сегодня останется двое. Я уйду к Бессмертному, оставляя лес своим братьям. Они продержат его до нужного срока. Сейчас я отдам всего себя Гарварне, за мной по очереди уйдут и они. Последний — за две недели до Ночи Сна. Наших сил должно хватить, чтоб колесо совершило свой оборот до конца. Но когда духи уйдут спать, они уже не сумеют сделать так, чтоб оно пошло на новый круг. Это должна сделать ты. До конца зимы, девочка, слышишь? — ведьма вновь кивнула, абсолютно сбитая с толку, — Если не сделаешь — все духи так и останутся в пустоте. А вместе с ними в пустоту погрузится весь мир. Ярис уже взошла.

Вновь дрожь по затылку. Мара позволила себе провалиться в омут древности, плещущийся в глазах фаралла. В этом не было страха. Только темнота веков и мощная сила, прячущаяся в бесплотном теле. Сила, которая вот-вот растечется по венам Гарварны.

— Я сделаю все, древний. Хоть и сейчас не понимаю, что я должна делать.

— Поймешь, — глаза фаралла блеснули двумя черными драгоценными камнями, — Скажи мне, ведьма, ты видела, как звезды и духи уходят к Бессмертному?

— Нет. Видела лишь, как уходят в сон, — Мара едва заметно улыбнулась.

— Значит, сейчас увидишь.

Минуту ничего не происходило. Только ведьма ощущала, как вся пустота внутри медленно стягивается в одну точку, которая с каждой секундой становилась все тяжелее и тяжелее. Сердце билось тяжело и медленно. С фаралла происходило практически то же самое — только в одну точку стягивался черный туман, и призрачные контуры духа бледнели и размывались. Вскоре Мара разглядела сердце духа, оплетенное тяжелым коконом тумана. И в этой точке бушевало столько сил, что виски сдавило адской болью. Ведьма старалась дышать ровно и спокойно, однако то и дело хватала ртом воздух, который уже буквально искрил силой. Еще немного... совсем чуть-чуть...

Секунда. Яркая ослепительная вспышка. Поток, сжатый в крохотную точку — и в следующий миг отпущенный тысячью стрел во все уголки Гарварны. Волна, сбивающая с ног и наполняющая без остатка — а затем тихо отступающая, оставляя на доньшке капельку себя.

Ведьма дышала хрипло, прерывисто, дрожа и ощущая жуткую слабость в коленях. Фаралла теперь ощущался всюду — его дикая, свободная, изначальная природа, копившаяся веками, рассеялась по миру, растворившись в каждом звере и каждом духе, в каждой цветке и в каждом древе. И в самой ведьме. Но вместе с тем была и легкость — Мара знала, что духи никогда не грустили, уходя в пустоту навсегда. Они пришли из нее — и должны были вернуться в нее, соединяясь и с ней, и с миром всем. Не было печали смерти. Вечный цикл продолжал свой ход, маятник раскачивался так, как было веками.

Поклонившись до самой земли Кринице Бессмертного, ведьма покинула пещеру. Как только полог ветвей остался за спиной, Мара с усмешкой оглядела окружающий пейзаж. Лес, казалось, помолодел: все вокруг было наполнено силой древнего духа, ушедшего сегодня.

Спасибо тебе, древний. Что бы ни значил твой завет — я постараюсь исполнить его.

Бледный свет разливался над темной долиной. Сквозь корявые сучья струились тонкие лучи, путаясь в черных узорах теней. Низкие серые перья облаков задевали сухие ветви призрачными крыльями. Трава здесь уже пожухла и лежала белесыми нитями на изгибах холмов. Тонкая белая ладонь нежно гладила стебли, длинные пальцы расчесывали поседевшее былье. Глаза, в которых расплескалась темнота, глядели на древний замок у подножия горы — черный силуэт его едва был виден в ночи, но ей не нужно было видеть его глазами. Она чуяла его сквозь века, сквозь мили, сквозь толщи вод и камня...

Совсем скоро, любовь моя... Совсем скоро ты проснешься. Они лишь тянут время. Да только время — что песок, очень уж быстро утекает...

Ветер разметал бурю черных волос, заплетая в пряди холод. Асхэ с наслаждением вдохнула его, ощущая, как стылая волна обнимает тело. Точь-в-точь руки ее любимой — такой же холодной, такой же далекой и неуловимой.

Ничего, моя королева. Мои гончие уже ждут твоего приказа.

Асхэ рассмеялась, когда ветер согнал с замковых руин стаю ворон, и птицы взмыли в черное небо. Хриплый крик прокатился над долиной, а в него жутковатой мелодией вплелся смех. Время охоты совсем близко...

Меж стволов бесшумно скользили тени. Мягко, как громадные совы, они плавно двигались от ствола к стволу, шурша то ли рваными плащами, то ли крыльями. Свистящий шепот терялся в ночной темноте, а они шли к замку, от замка, на север, на юг, на запад, на восток. Тени были материальны, и их пустые глаза светились белыми огнями, отсвечивая,

как глаза голодных волков. Они смотрели друг на друга и готовы были убить в любой момент. Они искали, принюхивались, перешептывались между собой... Но вдруг одна из них замерла и завывала. Вопль напоминал звон ржавых цепей. Несколько теней сорвалось с места, быстро проносясь мимо других, спеша на зов. Они в миг очутились возле кричащей. Женщина — а это была именно женщина — не мигая смотрела на острые башни замка, впивающиеся в небо когтями хищной птицы. Она чуяла — оттуда начнется их путь. Переглянувшись с братьями и сестрами, дикая легко двинулась туда, ведя за собой других...

Одна тень отделилась от стаи, спеша туда, где виднелся изящный, размытый силуэт. Она неслась быстрее холодного ветра — лишь для того, чтобы ощутить прикосновение хозяйской руки, увидеть в ее глазах подтверждение того, что они явились сюда вместе с ней не напрасно. Черная кровь в ее жилах кипела, наполняя все естество одним лишь желанием: охота. Дикая Охота.

Она покорно ткнулась лбом в раскрытую ладонь. Подняла испуганные, полные обожания и слепого повиновения, глаза на лицо своей хозяйки. На алых губах Асхэ играла улыбка, а в ее черных глазах тень увидела то, что так жаждала увидеть. Под пологом густых ресниц хозяйки плясали знакомые искры, такие чарующие безумные огоньки, по которым тень успела соскучиться. Несомненно, она любила хозяйку больше других и готова была на все ради этих сполохов в глубинах ее зрачков.

Асхэ вновь взглянула на руины, к которым плавно скользила рваная темная волна. Ее верные гончие, темные духи Мертволесья, повиновались ей беспрекословно, и сейчас они пришли на ее зов.

Да, моя королева... Мы готовы. Мы тебя ждем.

Тень взвыла и устремилась за своими братьями и сестрами. Асхэ проводила ее взглядом, усмехаясь — дикие были привязаны к ней. Во всех смыслах.

Да. Охота будет славной. Ярис уже взошла.

===== Глава 5. Воспоминание о лете =====

— Так. Давай-ка еще разок, чтобы я окончательно убедилась в том, что ты — самая глупая ведьма среди ныне живущих! — Ширра ворчала уже битый час, наблюдая, как Мара по второму кругу перерывает ветхие свитки, извлеченные из недр сундука.

Ведьма бережно развернула один из них, бегло оглядела и отодвинула в сторону, хмурясь сильнее: карты, нарисованной ею около трех лет назад, нигде не было. Тусклые огоньки свеч отбрасывали теплое мягкое сияние, разливающееся в комнате золотом. За окнами бродила ночь, и в доме Мары царил уют — хрупкий, ласковый, словно тот самый крохотный отблеск огня. Женщина сидела на коленях возле распахнутого сундука и продолжала свои поиски. Ширра, нервно дергающая хвостом, щурила желтые глаза, ожидая ответа.

— Давай. Я готова в сто первый раз повторить все, сказанное мною за последние пару часов, чтоб до тебя наконец дошли эти простые мысли, — Мара развернула следующий свиток.

— Итак. Ты, вообразив себя храброй путешественницей и великой следопытчицей, решила послушать старого чокнутого духа, который последнюю сотню лет развлекался тем, что пополнял свою коллекцию людей, выпитых им. По совету этого самого духа тебя черти несут к хеледам. К хеледам! Мара! Это же бесовы хеледы! Да они еще хуже этих клубков тени!..

— Продолжай, прошу тебя. Я почти верю твоему возмущению.

Ширра так нервничала, что даже пропустила выпад Мары, проглотив колкость. Кошка раздраженно била хвостом из стороны в сторону и следила за тем, как еще несколько свитков отправляются обратно в сундук.

— Ко всему прочему, этот старикан заявляет, что тебе нужно найти какое-то колесо и повернуть его — причем именно тебе! Почему тебе?

Мара приняла крайне задумчивый вид, подперла щеку ладонью и, серьезно глядя на Ширру, издевательски поинтересовалась:

— Ну я даже не зна-а-аю... Может, дело в том, что я — единственная в округе ведьма, умеющая работать с духами и банально их понимающая, как думаешь?

— Это не причина! — вскинулась кошка, — Колдунов нынче — как собак нерезаных! На десяток уж точно найдется хотя бы два, которые смогли бы благополучно потолковать с твоими духами!

— Один на двадцать, если быть точнее. Ты правда думаешь, что в окрестностях Гарварны столько наберется?.. О, нашла, хвала Бессмертному, — Мара победно ухмыльнулась, взглядываясь в карту и выискивая нужную ей пометку.

Ширра сверкала желтыми глазами и явно подбирала слова для следующей гневной тирады. Ведьма не сомневалась в том, что кошка прекрасно все понимала и на самом деле тревожилась за леса Гарварны и их обитателей не меньше Мары — но для зверя Мара была гораздо дороже всего этого, вместе взятого.

Пергаментный лист никак не желал распрямляться. Мара вновь потянулась к сундуку, извлекая оттуда несколько приземистых глиняных плоских, в которых обычно отмеряла травы для зелий, и придавила ими карту по углам. Здесь не были отмечены государства и города — только необъятный простор Гарварны в своем великолепии. Кое-где виднелась мелкая вязь букв: Мара нарисовала все примечательные места, все уголки, где обитали духи, и обозначила их для себя. Заблудиться в родном лесу ведьма не могла, но некоторые духи имели привычку кочевать — например, хеледы. На покинутые места они никогда не возвращались, да и жили только там, где природа была наиболее подходящей. Поэтому Мара собиралась составить себе маршрут, который мог бы помочь в поисках хеледов. Этих духов она еще не могла почувствовать — они умело блокировали все чужеродные энергетические потоки, идущие к ним. Хеледов придется искать по старинке. Не то что бы Мара была против — но слова фаралла не шли с головы: до Ночи Сна они сумеют продержат колесо в привычном состоянии, а вот потом справляться со всем нужно будет ей. Поэтому сейчас вопрос пути стоял перед ней на первом месте — Маре хотелось поскорее выяснить у хеледов, что происходит. В сердце женщины дрожащим колокольчиком давно уже поселилась тревога, однако объяснить ее и понять она покуда не могла.

Хеледы обосновывались там, где речные воды падали с высоты — хоть какой. Даже если водопад был не выше человеческого роста, можно было с уверенностью сказать, что здесь живут духи. Так, поглядим...

Леса Гарварны полнятся реками, как летние ночи — звездами. Мелкие и узкие, широкие и спокойные, глубокие и стремительные, водяные нити пересекают зеленые просторы так густо, что путник измучается искать мосты и мелководные броды и, перейдя несколько раз за утро прохладные потоки, плюнет на все и будет готов переплывать следующую преграду где угодно. Воде все равно, как изогнется ее русло, и потому встретив на своем пути овраг, река стремится в него, не боясь упасть с высоты. В некоторых уголках Гарварнского леса таятся настоящие водопады-ступени — вот уж где невероятная красота

природы!.. Чистая вода с шумом разбивается о холодные камни, искрится под солнцем и орошает прибрежную траву и лепестки хрупких цветов. Корни деревьев, вылезшие из-под земли, нависают над потоком. Сквозь грохот воды слышен веселый птичий гомон. А уж осенью как хороши места с водопадами — словом не сказать...

Самый старый дом хеледов находился далеко на северо-востоке, прямо у подножия Гряды Эльги. Там водопады сбегали вниз с холодных гор, с немыслимой высоты, а густой лес скрывал пристанище духов от путников. Ни тропинки, ни дороги не заворачивали туда. Но и сами хеледы покинули то место еще века три назад, и сейчас край близ Гряды Эльги пустовал. Значит, идти так далеко не было нужды. Еще один брошенный дом находился на западе, поближе — но Мару радовало другое: всего в Гарварнском лесу было пять каскадов — стало быть, оставались только центральные. До первого из них идти ей пару дней, и ведьма надеялась, что его-то и облюбовали хеледы. Чтоб добраться до остальных двух, северного и северо-восточного, придется потратить еще примерно столько же времени, да и продираться сквозь чащу там сложно... Ведьма, прекрати — как маленькая, ей-богу. Мара одернула себя. И что, что сложно? Эка невидаль. Если понадобится, пройдет — в конце концов, они гораздо ближе, чем старые дома хеледов.

Быстро скрутив карту, ведьма поднялась на ноги. Кошка наконец решилась подать голос.

— Хорошо. Просто прекрасно. И когда же ты собираешься идти незнамо куда и искать незнамо кого? — язвительно поинтересовалась Ширра.

— С утра, естественно. Мне кажется, медлить не стоит. Фаралла сказал, что времени осталось немного.

— Фаралла ей сказал... Потрясающе... Времени до чего?!

— Не имею ни малейшего понятия, — пожалала плечом Мара, пакостно ухмыльнувшись кошке. Та взвыла:

— Глупая ведьма! Да ты даже не знаешь, на что идешь! Ты же в первом болоте свернешь себе шею, и немерты обглодают твои кости добела! Тебя...

Ширра захлопнула пасть, встретившись глазами со взглядом Мары. Сталь и холод. Серая небыль. Кошка инстинктивно прижала уши к голове: было в ведьме что-то, что крайне редко показывалось — колдовская сила, такая чуждая чистой энергии жизни... Ширра не могла понять природу этой силы, но ощущала ее ярко. Сейчас был как раз такой момент.

— Ладно, ладно, я все поняла, — более мирно проговорила кошка, — Мне не переубедить тебя, — немного помолчав, она тихо добавила, — Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, Мара.

Ведьма не ответила. Да и что отвечать, когда сам не знаешь? В доме был тихий покой, теплый свет, такой привычный и простой быт — а за порогом расстилалась осенняя мгла, в которой медленно просыпалось от долгого сна что-то древнее, жуткое. Вот-вот оно разомкнет веки, вот-вот протянет руки — Мара уже ощущала холодные пальцы, сжимающиеся на шее. Женщина тряхнула головой, отгоняя неприятное чувство. Страх — худший спутник, когда собираешься идти в темное сердце Гарварнского леса. В конце-то концов, тьма Гарварны доселе не таила в себе зла. Только давно, очень давно...

У колдуньи Виски — зеленые глаза и шальная усмешка. Так говорили все, кто однажды встретился с ведьмой на улочках Фаулира. Не ходи к дому колдуньи, дитя... По ночам в окнах вспыхивают цветные сполохи, и чей-то дивный голос поет на неведомом языке. По ночам у дома ведьмы клубятся тени, дитя... Они приходят к колыбели, баюкают сероглазую

ведьмину дочь — а та лишь глядит в темноту да молчит, ни заплачет никогда, ни засмеется: только смотрит...

Не водись с дочерью ведьмы, с бесовским отродьем, дитя... По снегу босая ходит, в глазах — холод стылый, лед в ладони не тает. Махонькая — а уже ведьма. Не ходи к дому Виска, не говори с маленькой Марой.

Мара помнила, как снежинки, опускаясь в раскрытую ладошку, не таяли — ледяная звездочка мерцала, острыми краями-иглочками цепляясь за кожу. Помнила, как в прикосновении снега было что-то такое, от чего сердце трепетало и наполнялось неведомой истомой. Помнила, как часами могла глядеть на синеокую Ярис, сияющую высоко в зимнем ночном небе. И помнила встревоженный взгляд матери тогда, много лет назад.

Виска хмурила тонкие, с изломом, брови, глядя на дочь — Мара не мерзла в то время, когда фаулирские детишки, не выдерживающие холода, гибли один за другим. Старая Грайна, вергорийская ведьма, однажды сказала Виске, что младенцу, рожденному в Ночь Сна, до скончания лет его будет покровительствовать сама Ярис — неужто ледяная звезда и впрямь берегла малютку от Белой Смерти?.. Ведь родилась Мара в ночь меж осенью и зимой.

Виска чуяла, что сердце Гарварны отравлено. И тьма, ожившая жадная тьма тянула руки к ее дочери. К этому крохотному источнику Бессмертного, к серебряной чаше, в которой плескалась богами данная пустота и покой. Тьма хотела Мару так неистово, словно девочка была недостающим алмазом в короне Королевы Зимы... А маленькая ведьма доверчиво глядела в темноту, не осознавая, какие силы тянутся к ней.

Когда Виска сгинула в заснеженных лесах, никто из жителей Фаулира не отправился на поиски. Своих забот было слишком много — снег наконец начал сходить, а холода уползали прочь, за далекие горы. Ярис клонилась к горизонту и вскоре опустилась за край, и не было радости большей, чем приход этой весны. Только не для всех.

Когда пропала ведьмина дочь, ее тоже не стали искать. Некоторые селяне даже радовались: уж лучше пусть идет следом за матерью в небыль, чем каждую ночь надрывно зовет ее, стоя на берегу речушки, огибающей Фаулир.

Мара неосознанно потянулась тонкими пальцами к связке амулетов под воротом рубахи. Один из них, осколок арейона, прозрачно-серого кристалла из недр Лореотта, мать надела ей на шею перед тем, как уйти. Когда холодный камень коснулся кожи, девочка ощутила мглу Гарварнского леса слишком остро. Она была неправильной, чужой — и живой. Мара помнила, как страх накрыл ее темным крылом: до того она и не видела того, что пыталось дотянуться до нее. Других детей мгла забирала быстро — но не ее.

А мать усмехнулась ей, и в ее весенних глазах так и искрилось солнце. Не бойся, сказала Виска, стоя на пороге и обнимая на прощание дочь. Никто не заберет тебя.

Потом, когда весна принесла на своих крыльях жизнь в Гарварну, девочка впервые ощутила бестелесных обитателей леса. Раньше она лишь чуяла, что в чащах таится сила Бессмертного, а теперь могла чувствовать различных духов. Еще через несколько лет Мара впервые встретила лицом к лицу с лиреаной. Покинув Фаулир, девочка позабыла былую жизнь — теперь домом для нее был лес. Домик, в котором они жили летом с матерью, стал ее жилищем. Здесь всегда было то теплое, родное, что могло уберечь от тоски, от любой беды и липкого страха... Мара научилась не бояться тьмы — в конце концов, мгла вновь стала такой, какой сотворил ее Бессмертный. Шли зимы, всходила от года к году Ярис, но страх и ощущение живой порочной темноты покинули сердце ведьмы.

Тьма не есть зло, учила ее мать. Просто зло любит то, в чем можно спрятаться — в темноте оно может долго таиться, прежде чем выпустить когти. Свет сразу же очерняется от его прикосновения, а тьму вычернить невозможно. По сути, не существовало в этом мире ни непроглядной мглы, ни бесконечного света — только вечное марево, из которого могло родиться как добро, так и зло. И если злая сила вновь проникла в сердце Гарварны, значит, так должно было случиться, и бояться здесь нечего. Ничто не происходит просто так.

Утро выдалось теплым, солнечным — но все живое в лесу уже готовилось к долгому сну. Беспokoйные белки носились рыжими молниями по веткам в поисках всяческой снеди, которой можно было запастись на зиму. Птицы галдели вовсю, и временами откуда-то из чащи доносился протяжный клекот: уже сейчас крылатые сбивались в стаи, готовясь к путешествию на юг, к берегам Авриэна. Странники говорили, что там, за Эйнарвисским морем, царило вечное лето, и белый горячий песок тянулся от побережья вглубь Авриэнской земли, и целые города возникали на песчаных просторах. Мара и сейчас не могла представить себе пустыни, а в детстве — так и подавно. Когда-то давно ей хотелось обернуться птицей и поглядеть, правду ли говорили странники. Но с течением лет ведьме становилась все милее осенняя хмарь, зимний покой и сладостное пробуждение природы весной, летний зной родной земли... Она находилась именно там, где должна была быть, и ином месте под луной женщина не нуждалась.

Ширра проснулась с первыми лучами солнца, чем изрядно удивила Мару: обычно кошка спала если не весь день, то большую его часть, заявляя о себе лишь под вечер. Сейчас же зверь внимательно наблюдал, как ведьма неспешно попивала чай. От кружки тянулся серебристый пар, и Мара с наслаждением вдыхала тонкий сладковатый аромат. Кошка сидела в кресле напротив, обернувшись пушистым хвостом. Она не находила запах варева привлекательным, но все же невольно принюхивалась, смешно двигая розовым носом. Мара заметила это и усмехнулась:

— Будешь?

— Вот еще, — фыркнула та, — Ты мне скажи: так и не передумала идти?

— Сама-то как думаешь? — ответила вопросом на вопрос ведьма, прикрывая глаза и делая глоток.

— Да что тут думать, я итак знаю, — раздраженно дернула ухом кошка, — Просто надеялась, что за ночь ты образумишься. Вижу, что не дождусь такого счастья, — она примолкла, потом долго, совсем по-женски, вздохнула, — Хоть рубаху потеплее возьми — простудишься еще в какую из ночей...

Ведьма улыбнулась краешком рта, так, чтоб Ширра не заметила: все-таки зверек очень трогательно заботился. Тон кошки оставался подчеркнуто недовольным, но за этим всем Мара чувствовала ее тревогу и беспокойство. Хороший зверь.

— Возьму, — серьезно пообещала Мара, поднимаясь из плетеного кресла.

В небольшую заплечную сумку, где уже лежала карта Гарварны, несколько склянок, плотный плащ и сверток с провизией на пару дней, отправилась серая рубаха из тонкой шерсти, достаточно теплая для того, чтоб ведьма не замерзла, если холодные ветра станут задуть сильнее. Когда Мара принялась заплетать косу и подняла руки, на обнажившемся левом предплечье Ширра заметила перевязь с коротким кинжалом. Кошка одобрительно мурлыкнула про себя: ведьма никогда не отправлялась надолго в лес без оружия. Будь она даже самой сильной колдуньей Бар-эс-Тиллада, Ширра бы не отпустила никуда эту ведьму, если бы та вздумала не брать с собой клинок. Мало ли, что в лесу может приключиться. По

осени через Гарварну частенько проезжали купцы, потому в кустах неподалеку тропинок иногда прятались тати. Духов-то ведьма чуяла, а вот людей — нет.

Еще раз перепроверив все, женщина перебросила сумку через плечо и направилась к выходу. Кошка лениво трусила за ней, стараясь при этом выглядеть совершенно невозмутимо. Впрочем, это удавалось ей не слишком-то хорошо — Мара ощущала ее тревогу даже на расстоянии.

— Животное, прекрати думать о плохом, — поморщилась ведьма, — Как на войну провожаешь, ей-богу.

— Сама ты животное, притом бесчувственное, — огрызнулась Ширра, — Бросаешь меня тут... А если я с голоду помру?!

— Если так произойдет, я лишний раз уверюсь в том, что ты — ленивая и не способна прокормить себя сама даже в экстренной ситуации. Тем более, что я вернусь от силы через неделю. Бессмертный знает, что мне скажут хеледы — но вряд ли напрямую от них мне придется идти еще куда-либо.

— Уже легче, — ворчливо отозвалась кошка, выходя следом за Марой на крыльцо. Роса, влажно поблескивающая в траве, пахла сладко-сладко. Ширра бросила взгляд на ноги ведьмы и облегченно вздохнула: благо, та натянула сандалии — еще не хватало, чтоб шаталась босиком невесть сколько времени...

Мара легко спрыгнула со ступени наземь, мотнув тугой косой. Кошка скрипуче окликнула женщину, которая сразу же направилась на север, в чащу:

— В добрый путь, ведьма! Надеюсь, тебя никакая дрянь не сожрет в дороге.

Ведьма лишь хмыкнула, не оборачиваясь. Напутствие было действительно искренним.

Когда дом остался далеко позади, а солнышко начало пригревать сильнее, ведьма присела на громадный валун и стянула с ног обувь. Земля была прохладной, но совершенно не стылой, и отказывать себе в удовольствии побродить босиком Мара не собиралась. Путь змеился, огибая овражки и топи, уводил все дальше в глушь, к северным угольям — и дальше, к первому из отмеченных Марой каскадов водопадов. После того, как она покинет полынные поляны угодий, начнутся бесконечные ручейки и речушки, земли лиреан, армаэлей и хеледов.

Из всех духов вод хеледы были самыми древними — и непредсказуемыми. Они резвились, словно малые дети, разбрызгивая воду и расцвечивая воздух радугами. В пещерах хеледов, сокрытых за стенами воды, на ветру шуршали птичьи перышки и диковинные травы, которыми духи украшали свое жилище. Там всегда пахло свежестью и летними травяными сборами, и даже в дальних коридорах на камнях мерцала водяная пыль, освещаемая тусклым сиянием сонных огоньков — Мара давно заметила, что старейшие искорки таились в пещерах. Хеледы тонко чувствовали красоту природы, а потому жили всегда в таких уголках лесов, что у случайного путника перехватывало дух. Только они ненавидели тех самых случайных путников, а потому всякий, решивший заночевать неподалеку от пещер хеледов, уже мог не проснуться. Духи окружали несчастного, стоило тому заснуть, и затягивали его в жуткую сеть ночных кошмаров. Да так глубоко затягивали, что выпутаться самостоятельно мог человек с мощной силой в сердце. Да и то не всегда — хеледы пели сны людям. И чары той песни зачастую оказывались губительными. Кошмары были настолько реалистичными, что отличить явь от сна не представлялось возможным. Если же путник решит наполнить флягу на водопадах хеледов или же смыть дорожную пыль, духи развлекались по-другому. Стоило подставить ладонь под прохладные струи, как хелед, заметивший чужака, мог

заморозить одну единственную нить потока. Всего лишь одну, тончайшую — и такие стрелы пробивали плоть насквозь не хуже настоящего оружия. А ощутив кровь, ледяная нить тут же стремилась по венам к сердцу, словно вода в русле. Несчастный погибал в течение одной секунды. Впрочем, сами духи считали такой метод весьма грубым и прибегали к нему редко. Гораздо интереснее им было играть со снами.

Мара не боялась хеледов — духи знали ее. Однако она понятия не имела, станут ли они говорить с ней, или решат для начала проверить, достойна ли она этого. А проверяли они, затягивая во всю ту же сеть кошмаров. Если выберешься — хорошо. Если нет — значит, такова воля Бессмертного.

Пейзаж менялся, чем дальше женщина брела. В синее небо, рябящее белоснежными перышками облаков, врезались темные кроны ильмов, все чаще встречались пихты и ясени. Солнечный свет дробился и косыми лучами прорезал воздух сквозь густое переплетение ветвей. Пахло грибами, мхом, из травы торчали пушистые метелки тонконога. Под замшелыми боками холодных валунов зрела водяника, неподалеку виднелись нежные белые звездочки куропаточьей травы — и как только такие хрупкие цветы росли здесь, в этом тенистом краю? Лишайник пестрел яркими бархатными пятнышками на шершавой коре. Под ногами пружинил тысячелистник. Мара вдохнула полной грудью: чем дальше идешь на север, тем больше воздух пахнет свободой и вечностью. И в этой вечности нестерпимо хочется остаться.

Давным-давно, когда Мара еще жила в Фаулире вместе с матерью, среди деревенских ребят была одна такая, вечно рвущаяся куда-то далеко, мечтающая попасть на север, стать воительницей... Кажется, ее звали Даэн — Мара видела ее лишь однажды в лесу. Невысокая девчушка лупила крепкой палкой такую же невысокую березку, делая выпады и резкие пируэты. Маленькая Мара наблюдала за ней полминуты, а затем вышла на полянку и, хмуро глядя на девочку, проговорила:

— Не бей. Ей больно.

Девчонка резко обернулась на голос, а затем критически оглядела Мару. Из двух растрепанных черных косиц выбивались кудрявые прядки. Бледное личико с прямым тонким носом и открытые плечи были усыпаны едва заметными веснушками — не увидишь, если не приглядишься. В темных глазах с искрами янтаря читался немой вопрос — и возмущение.

— Это дерево, — фыркнула девчонка, упрямо скрещивая руки на груди.

— И что? — тихо ответила Мара, исподлобья глядя на незнакомку, — Оно такое же живое, как ты.

Чернявая снова фыркнула, с любопытством оглядывая Мару с ног до головы. Маленькая ведьма опустила глаза: она терпеть не могла, когда другие дети таращились на нее.

— Ты ведь ведьмина дочь, да?

Этот вопрос Мара терпеть не могла еще больше. Нехотя она кивнула, ожидая следующей реакции. Интересно, девчонка сразу поспешит уйти куда-нибудь подальше отсюда, или перед этим еще скажет обидное?

— Ох как здорово!

От неожиданности Мара вскинула голову, круглыми глазами глядя на девчонку. Та широко ухмылялась и смотрела на нее... радостно?

— Это же ты ворожить, наверное, умеешь... — она разочарованно засопела, — Вот я всегда мечтала чародейкой быть! Но мамка сказала, что чародейки с Темной знают, душу ей отдают и тело. А ты уже отдала? — она с любопытством воззрилась на маленькую

ведьму.

Сбитая с толку Мара замешкалась. В свои шесть лет она понятия не имела о том, что, когда и кому должна была отдать.

— Ай, ладно, — не дала ей ответить девчонка, махнув рукой, — Все равно ведьмой я не стану. Зато буду сражаться! Вот вырасту и уйду на север, в Келерию, и там выучусь! А пока мне тренироваться надо, чтоб приняли. Ты не сердись, что я дерево это бью, — последнее прозвучало так искренне и было произнесено таким извиняющимся тоном, что Мара еще больше опешила. На вид девчонке было лет девять — а она говорила с маленькой ведьмой так, будто они были одногодками. Не говоря уже о том, что она вообще заговорила с ней...

— Просто не делай так больше, — неуклюже дернула плечом Мара, стараясь не смотреть в глаза странной девочке.

— Хорошо, я сухое дерево найду, — серьезно кивнула та, а затем, чуть помедлив, подошла к Маре и протянула ей ладошку, — Я Даэн! Наполовину тавранка, между прочим! — с гордостью добавила она.

Девочка уставилась на протянутую руку. Она видела, что так здоровались мужчины в Фаулире — жест удивил ее. Она осторожно сомкнула пальцы на протянутой руке и практически невесомо пожала ее.

— А я Мара.

— Да я знаю, — отмахнулась Даэн, — Тебя же все в деревне знают, ты же ведьмина дочь! — в ее взгляде мелькнуло восхищение и едва заметная зависть, — Вот бы и мне так... Ай, ладно! Вот стану лучшей Танцующей с клинками во всем Бар-эс-Тилладе, тогда и меня все-все будут знать... Ты слышала о Танцующих с клинками?

— Нет, — Мара замялась. Ей не слишком хотелось обидеть Даэн — глаза девочки светились, когда она произнесла это название. Но бойкая будущая воительница снова отмахнулась.

— Значит, расскажу тебе в следующий раз. А сейчас ты прости, мне бежать надо, а то мамка если узнает, что я опять сбежала деревья колотить — так тряпкой отходит, страх... — Даэн бережно припрятала свое оружие в зарослях бересклета, а затем снова подошла к Маре, — Ну, бывай! — с этими словами девчонка хлопнула ее по плечу и резво побежала по тропинке, ведущей в Фаулир — только косички замелькали да голые пятки. А маленькая Мара так и стояла, изумленно глядя ей вслед.

Впрочем, следующей встречи так и не случилось: лето пролетело быстро, а Даэн, видимо, все же отыскала где-то сухое дерево, потому что на той полянке Мара больше ее не встречала. В Фаулире пересечься детям тоже не удалось — к дому Виски деревенским ребятам было запрещено подходить. Может, Даэн бы и нарушила запрет, если бы мать не поручала ей заботы о домашнем хозяйстве и трех младших братишках. Несколько раз Мара видела, как на площади у колодца Даэн набирает ведра и тараторит братьям, пришедшим вместе с ней, о Келерийском братстве, о северных просторах и о мечях. О том, что однажды ее мечта сбудется, и она навеки останется там. И сейчас, ощущая этот север, которым грезила Даэн, все ближе, Мара почему-то вспомнила эту девчонку и теперь улыбалась. За тем летом пришла осень со своими вечными заботами, а потом землю накрыла серебряным плащом Белая Смерть. Мара не знала, выжила ли Даэн, и если да, то что с ней стало. Нашли ли она свой Север? Жива ли сейчас? Тавранцы, северяне, доживали до четырехсот человеческих лет, потому, если Белая Смерть не забрала ее, в косе Даэн сейчас не должно было быть серебра... Ведьме очень хотелось верить, что все сбылось, а почему хотелось, она

и сама не знала.

Закат встретил ее, когда ведьма ступила на территорию северных угодий. Запах полыни и диких трав был здесь такой сильный, что голова закружилась. Длинные тени пересекали прогалины, сливаясь с подступающим со всех сторон сумраком. Мара расстелила на земле плащ, устраиваясь поудобнее меж вылезших из земли корней громадного ясеня. Шла она довольно-таки быстро, потому преодолела большую часть пути лишь за один день. Это значит, что завтра после полудня она придет к первому водопаду. Мара надеялась, что хеледы не забрались в глушь — дальше дорога будет гораздо тяжелее из-за обилия небольших топей, многочисленных речушек и оврагов. Хотя, пожалуй, это не так уж и страшно.

Луна шла на убыль — еще чуть-чуть, и тоненький серп исчезнет с небосклона, чтоб снова возродиться. Ведьма прикрыла глаза, слушая, как где-то неподалеку плещется в берегах речка, и вода пересыпает ласковой ладонью мелкие камешки. Во тьме тихо перешептывались листья, и до Мары доносился тихий смех лиреаны, выбравшейся поглядеть на взошедшую над лесом луну. Протяжно ухнула сова, хрустнула ветка. Женщина слышала все звуки — и от этого на душе становилось так хорошо, так спокойно... Песнь мира, мелодия ранней осени, наполняла Гарварну, будто живая вода наполняет кувшин.

Просыпайтесь, братья и сестры. Пусть ночь будет славной.

Над лесом разнесся переливчатый волчий вой. Мара улыбнулась: Тень. Его голос она могла узнать из тысячи.

Сон пришел на мягких лапах, подкрался кошачьей поступью и свернулся у изголовья. Он принес россыпь звезд на ресницы, тихий перезвон колокольчиков и запах ночных фиалок. Зоркие глаза духов — или птиц? — глядели на спящий мир и берегли его покой. Смертные говорили, что духи плетут сны... Они не слишком ошибались. Среброволосая лиреана, глядящая из темноты на дремлющую женщину, тихонько пела ей, заплетая в ее сон блеск летних звездопадов и шелест моря. Наверное, женщина никогда не видела моря — пусть хоть послушает, пусть...

Зябко ежась, Мара потянулась, разминая затекшую шею. Небо только-только посветлело, и пришлось выуживать из сумки теплую рубашу и надевать сандалии. Справившись со шнуровкой, ведьма быстро позавтракала хлебом и двумя яблоками, взятыми из дому, и направилась дальше к водопадам. С каждой минутой лес светлел, воздух становился прозрачным. Женщина скорее ощутила, чем увидела, как солнце взошло над горизонтом, и Гарварнский лес начал заполняться теплым сиянием.

Первая река попала ей уже через час пути. Узкий, наполовину сгнивший мостик, переброшенный через воду, не внушал особого доверия, но брода поблизости Мара не видела, а лезть в ледяную воду совсем не хотелось. Тратить силы и обращаться к колдовскому дару женщина тоже не собиралась — кто знает, как встретят ее хеледы. Возможно, весь запас сил придется бросить на то, чтоб пройти их проверку — и тогда решающую роль может сыграть каждая крупинка сбереженной энергии. Каждая ведьма, прикасающаяся к чистому сиянию энергии, владела определенным временем, по истечению которого ослабевала, и приходилось ждать, пока резерв не заполнится вновь. Видеть энергию было легко, а вот управлять ею — на порядок сложнее, потому Мара упорно училась этому. Сейчас ее запас был довольно-таки мощным, однако недостаточно — ведьма могла непрерывно колдовать три часа, а после этого падала в изнеможении там, где стояла. Виска рассказывала ей, что за морем есть маги, которые развили свою силу до того, что

творили чародейство дни напролет, а на восстановление им требовалось не больше двух часов. Но ведьма до сих пор не могла уложить это в своей голове — она не представляла, сколько нужно было посвятить этому сил и времени, хоть и стремилась к такому уровню мастерства.

Несмотря на внешнюю хлипкость, мостик оказался крепким и не проломился, когда ведьма прошла по нему. Дальше ручейки и реки попадались чуть ли не по две на версту. Некоторые были совсем узкие, через другие можно было перейти по камням или мостам, неведомо как сохранившимся, в третьи все же пришлось лезть. В самой глубокой вода дошла Маре до груди, и ведьме все-таки пришлось обратиться к дару, чтоб разжечь костер и высушить одежду — все же солнце пригревало не так сильно, чтоб она не перемерзла в мокрой ткани.

Здесь было немного светлее, чем в северных угодьях, а зеленый ковер под ногами пестрел мелкими пахучими цветами — последними в этом году. Скоро и они начнут вянуть... Мелькнул пушистый лисий хвост за невысоким кустарником — зверь, услышав Мару, поспешил скрыться с ее глаз. Ведьма начала волноваться: по ее расчетам, водопады должны быть где-то поблизости, но она все никак не могла найти их. Неужто заплутала? Нет, исключено — лесная ведьма знает свой Дом. Когда небесное светило подошло к зениту, Мара наконец услышала тихий, едва различимый шум. Водопады. Ведьма несколько раз глубоко вдохнула, прося Бессмертного дать ей мудрости и сил, а хеледам — доброго расположения духа, и двинулась в сторону, откуда шел звук.

===== Глава 6. Капли времени =====

Горы Лореотта и Лойнарская гряда врезались острыми клиньями в леса Гарварны, останавливая их и не давая им вплотную подобраться к Призрачному морю. Кое-где скалистые склоны все-таки поросли соснами и пихтами, меж которых совсем уж редко дрожали на ветру верхушки осин. Но ближе к лесу горы становились ниже, постепенно переходя в холмы, а дальше и вовсе сходя на нет. Первый дом хеледов находился как раз у подножия одного из таких холмов: быстрая вода сбегала по склону, начиная свой путь где-то в лойнарских ущельях. Река разливалась широко, потому Мара насчитала шесть уступов, с которых с шипением разлетались сверкающие брызги. Вода вымыла почву, найдя под мягкой землей камни и создав настоящие ступени. Над водопадами сонно шелестели листвою деревья — ветви некоторых клонились прямо к воде и касались блестящей глади. Сладковатый запах листьев, все еще зеленых, но уже устилающих берега, смешивался с ароматом свежести, шедшим от реки. Ведьма вышла к самому нижнему водопаду, сбегаящему с небольшого плато, и огляделась. У самой воды буйно цвела красавка. Мара усмехнулась: в этом был какой-то забавный символизм. Ядовитое растение вызывало порой яркие галлюцинации и бред — хеледы же могли насыпать такие кошмары, что человек с ума сходил. Ведьма не сомневалась, что где-то в пещере хеледов висят целые гроздочки созревших плодов красавки.

Женщина подошла ближе к падающей воде, стараясь быть предельно спокойной и открытой. Волосы и одежда тут же покрылись водяной пылью, но сейчас это было абсолютно неважно. Сейчас на нее глядели, оценивали ее — и все остальное отошло куда-то за призрачную завесу.

Хеледы не умели (или не хотели) общаться так, как разговаривают между собой смертные, поэтому Мара ждала образа — либо спокойного, либо яростного. Но вместо этого хеледы вышли к ней сразу же.

Их было двое, один постарше, а другой — совсем еще юный. Беспольные тела, напоминающие бегущую воду, заключенную в прозрачную оболочку, искрились на солнце, и сквозь них Мара видела природу за спиной духов. Там, где в человеческой груди должно было биться сердце, у хеледа мерцала искорка, переливающаяся радугой. Таким же эфирным светом сияли их глаза, напоминающие залитые солнечным светом пруды. Оболочка старшего хеледа отсвечивала белизной, какой отсвечивает падающая с гигантской высоты вода, младший же напоминал глубокое озеро, темное и спокойное. Этот едва ли причинит ей вред, он еще не умеет насылать губительные видения. А вот другой...

Духи спустились к ней, соскользнув вместе с потоком вниз, со своего плато. Мара предполагала, что именно там находятся их пещеры, но лезть туда и проверять догадку она не собиралась: достаточно было того, что она нашла хеледов. Сердце ликовало, и это ощущение практически полностью забивало напряжение. Она ощущала, как другие хеледы наблюдают за ней, прячась за водопадами. Тихий звук — то ли шепот ветра, то ли едва различимый шелест воды — раздавался отовсюду, и уловить его человеческим слухом ведьма не смогла бы. Хеледы переговаривались между собой, следя за ней и двумя своими братьями.

Старший хелед подошел к ней по воде и остановился напротив, наклонив голову и глядя на ведьму. Тот, что помоложе, принялся плескаться в воде, и в его глазах отражалось солнце. Мара не смогла сдержать мягкой улыбки: юные духи были одинаковы и без конца резвились. Шелест усилился: наверное, хеледы смеялись, глядя на младшего собрата. Женщина подняла глаза на старшего хеледа. Дух был выше ее на две головы, и ей пришлось щуриться: солнечные лучи за его спиной немного слепили.

Пусть Бессмертный сбережет покой этого места. Приветствую тебя, древний.

Пустота, теплый кокон меж двух прозрачных ладоней. Рука, прижатая к сердцу в жесте уважения. В сияющих провалах глаз хеледа сверкнуло серебро.

Ты поёшь как дочь Бессмертного. Приветствую и тебя.

Птица, опустившаяся на ту же прозрачную ладонь. Мара чуть было не завопила от ликования: хелед признал ее. Дух ощутил ее радость, и перед внутренним взором ведьмы мелькнули брызги воды — древний смеялся.

Ты не напрасно остерегаешься нас. Но мы не тронем тебя. Сегодня.

Мара склонила голову, принимая его слова. Возможно, когда все закончится, и ей однажды летом захочется прогуляться в гости к хеледам, те уже не будут так благосклонны. Однако думать об этом сейчас ведьма не видела смысла.

Сегодня мы расскажем тебе то, что ты хочешь услышать.

Ведьма даже не удивилась: ну конечно, хелед видел ее насквозь и знал все ее мысли и тревоги. Она присела у берега, дух же опустился прямо на воду, держащую его подобно земле. Юный хелед, веселящийся неподалеку, погрузился в воду и вынырнул у самой кромки, доверчиво и как-то совершенно по-детски заглядывая в глаза женщины. Мара осторожно протянула ладонь, и хелед тут же ткнулся в нее лицом, тихонько шелестя. Ведьма рассмеялась: кожу приятно покалывали искорки энергии, напоминающие капельки холодной воды. Перед глазами замерцала круговерть солнечных лучей, блики на воде и изгибы радуг, дрожащие над водяной пылью. Ощущение жизни и яркой, словно солнце, молодости билось внутри духа вольной птицей. Старший хелед недолго наблюдал за собратом и ведьмой, а затем начал говорить.

Мы все приходим в этот мир такими, как он: искристыми и солнечными. Древние духи

— это не те, кто прожил век словно день. Это — те, кто явились в мир на изломе.

Мара видела молодых духов, резвящихся в лучах луны, а за ними, на темном небосклоне — призрачное звездное колесо с сияющими спицами, которые медленно гасли по одной. Когда последняя спица померкла, среди всех звезд сияла ярче одна единственная — льдисто-синяя, холодная и колючая, с черным сердцем, упрятанным в пронзительный нездешний свет. Тихий туман медленно уходил в землю, укрывающуюся снежным одеялом. Колесо должно было зажечься, Мара знала это... Но небо оставалось темным. Черная бездна, лишенная даже благодной пустоты — и лишь затем первый, несмелый проблеск. Излом — время остановки. Спицы медленно загорались, одна за другой, туман поднимался от земли. Духи вернулись — и в их глазах теперь плескалась древность, тяжелое знание, которое не могли понять пришедшие вместе с ними молодые духи, не ведающие той бездны. Те продолжали играть, как дети, а первые духи глядели на небо и ждали, когда колесо вновь остановится. Они не сомневались, что так произойдет. И когда темная звезда снова взойдет, они должны были любой ценой довести колесо до точки, откуда оно пойдет на следующий оборот. Если спицы погаснут раньше, хоть на одну секунду раньше — темнота разрушит все, до чего только дотянется.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Впервые колесо замерло тысячу лет назад, когда почти все фаралла ушли к Бессмертному, доворачивая его всеми силами. В Ночь Сна мы возвращались к Бессмертному и молили его о том, чтоб он направил рукой своей того, кто смог бы вновь зажечь колесо.

Печаль, стылая печаль холодной осенней ночи, звенящая в прощальной песне духов. Они уходили в свою вечность, мечтая о том, чтоб мир не замер. Мара кожей ощущала ту горечь, пропитавшую даже воздух, даже землю...

Тогда пришла Она, несшая в своих ладонях только темноту и холод. Темнота повиновалась ей, была в ее руках оружием. Она сеяла ее, как смертные засевают поля. Зима тогда тянулась дольше положенного срока на несколько лун, и за эти луны погибло столько смертных и столько детей самого Бессмертного, что печаль наша до сих пор живет в нас.

Вновь пронзительно-синие глаза под белыми ресницами и искривленный изгиб бледных губ.

Против Нее вышел человек, дитя Бессмертного, несущий в своем сердце его вечную пустоту. Он шел туда, откуда темнота расползлась по всему краю, в сторону Призрачного моря. А навстречу ему шла Дикая Охота.

Мару передернуло. Скрежет цепей — или визгливый хохот? — зазвенел в голове. Серая ладонь с длинными, словно покрытыми струпами и гниющими ранами, пальцами прикоснулась к дереву — и его кора тут же почернела, а ветви болезненно задрожали. И таких ладоней было много, слишком много... Маленькая рыбацкая деревенька, замеченная снегами... Длинные тени, рыскающие по улицам и чутко прислушивающиеся: не раздастся ли где детский плач?.. Черный виток, проникающий в узкую щель меж бревнами и медленно ползущий по стене к колыбельке... Белые глаза, светящиеся во мгле... Мертвая тишь на пустынных улицах и волна темноты, живой и страшной, уходящая вглубь черного леса.

Он шел один против диких духов и их госпожи, и все, что было у него — любовь и пустота.

Свеча во тьме, крохотный отблеск живого тепла. Ведьма ощущала этот свет как единственное спасение, последний щит, оплот, в котором все еще был покой. И она точно знала: тогда, находясь в Бессмертном, духи, еще не потерявшие себя в пустоте, чувствовали

того человека точно так же. Он был их Свечой.

Они встретились в низине меж гор Караласса. Он видел за ее спиной потухшее колесо — и в тот миг, когда Ее гончие набросились на него, он распахнул себя, и вся пустота, сокрытая в нем, вся любовь к подлунному миру — все устремилось к звездным спицам. И они загорелись. Тьма рассыпалась пылью, а Синеокая возвратилась в бездну, откуда явилась. Мы проснулись.

Ведьма не могла унять дрожь, колотящую все тело. Она видела, как свеча полыхнула ярче солнца, и ее сияние смело скверну с уставшей земли. Первая спица колеса зажглась, и ледяная звезда померкла, став обыкновенной застывшей синей искоркой.

— Что стало с человеком? — вопрос сам сорвался с губ, не успев оформиться в образ. Юный хелед прижался к руке Мары сильнее, и ведьма ощутила покой, идущий от него. Дух ощущал ее волнение и пытался помочь ей.

Он соединился с Бессмертным.

Верно. Все верно. Мара прикрыла глаза, тихо и светло улыбаясь.

И вернулся в облике духа в Гарварну.

Ведьма замерла.

— Он стал одним из вас?

Он был ребенком Бессмертного — потому смог возвратиться. Тот, в ком пустота поет, не может пропасть. Ты должна знать это. Погляди на водопад, дочь Бессмертного.

Мара послушно подняла голову. На широком плато, откуда срывался нижний водопад, сидели хеледы, слушающие рассказ духа. Ведьма встретилась глазами с одним, искрящимся ослепительной белизной и внимательно глядящим на нее. Сердце пропустило удар. Свеча. Женщина, не отводя взгляда, поклонилась ему. Хелед не шелохнулся, но Мара ощутила его ответ. Свет и покой.

После того тьма долго таилась. Синеокая по крупичам собирала ее, наполняя ею свое черное сердце — пока не накопила достаточно сил для того, чтоб вновь остановить колесо. Но на этот раз она пришла не одна — с нею явилась Владычица Ветра. Вдвоем они направляли своих гончих, и те неслись быстрее ветра, лишая жизни все на своем пути.

Мара видела их. Две тонкие фигуры в сердце сумасшедшего вихря, вокруг которых вился черный дым. Белая ледяная ладонь, болезненно сжимающая сухую костлявую руку.

Колесо замерло на долгих два года. Синеокая вместе с Владычицей гнали диких через Лойнарскую гряду, далеко на север, и не случалось большей беды с самого рождения мира. До сих пор там, где прошли они, нет жизни — лишь заснеженная пустошь и мертвые скалы. Забытые города, в руинах которых лишь ветер да призраки гуляют... Тогда Бессмертный долго искал того, кто сумел бы повернуть колесо — и едва нашел. Но тот был так силен, что уничтожил Владычицу Ветра, а Синеокою погрузил в сон на века.

Смертные все забывают, как только раны земли затягиваются. Они обращают правду легендами и сказками, бают их детям и не ведают того, что чувствуем мы, всякий раз отправляясь в сон к Бессмертному. Они даже не почувствовали, когда колесо замерло вновь, пятьдесят человеческих лет назад.

Мара уже знала, что дух поведает дальше. На этот раз Королева Зимы — или Синеокая как звал ее дух, — привела с собой Белую Смерть. И теперь гончими Дикой Охоты стали немерты... Селяне думали, что из лесов к их жилищам стягиваются волчьи стаи, но теперь ведьма поняла: все было гораздо страшнее. По городам и деревням рыскали дикие темные духи, несшие смерть и холод.

Смертная женщина чувствовала, как семя зла проросло, крепло, как замерзло колесо... Она сама пришла, сама бросила вызов Синеокой и ее невесте. И хоть сил у нее было не так уж много, она смогла повернуть колесо.

Свет и покой, поселившийся в сердце, не желал уходить. Мара тихо спросила, уже зная ответ.

— Кто она?

Та, что дала тебе жизнь.

— Кем она возвратилась? Где ныне?

Она не возвратилась. Она выбрала покой Бессмертного — ей хотелось соединиться с ним.

Ну конечно, этого вполне можно было ожидать. Виске всегда было интересно, что находится за порогом Бессмертного.

Ты осознаешь то, что должна сделать?

Мара не осознавала — до конца. Ведьма сидела напротив древнего духа, глядела на него, а внутри разливалась странная, доселе неведомая пустота, которая была гораздо древнее той, что вечно жила в ней. Она чувствовала себя крохотной и беспомощной, не знала, как встать на ноги и сделать первый шаг. Не знала, как повернуть колесо. Лишь одно было известно ей: она должна. Не потому, что так повелел ее бог. Не для того, чтобы высвободить наконец духа из тела и позволить ему оставить тело, слившись с Бессмертным в сути своей. Она должна была просто потому, что иначе мир никогда больше не ощутит живого света, покоя и тепла...

— Нет, древний.

Глаза духа, затянутые мерцающей пеленой...

— Не осознаю.

Рука, прозрачная туманная рука, последняя ниточка благостного покоя, тянущаяся из сердца Бессмертного сюда, в мир смертных. Ниточка, которая вот-вот порвется...

— Но сделаю.

Все замерло. Все стало таким простым и понятным, словно высветилось изнутри и так и отпечаталось на сердце. Мара видела звездное колесо, медленно гаснущее, немыслимо древнее, великое. По одну его сторону из озера, до краев заполненного туманом, тянулось к небу дерево, и корни его пили пустоту, и листья пустоту пронзали, терялись в ней, тонули... А меж листьев сияли звезды, тысячи солнц, тысячи миров. Они бились, словно сердца — в едином ритме, и Мара слышала музыку в их биении. К горлу подкатил ком, а в глазах защипало. В этой песни и крылась великая истина, пронзительно сияющая. В этой простой мелодии биения жизни. Все, что есть у нас...

По другую сторону колеса не было ничего. Только темная, пульсирующая точка, ширящаяся с каждой секундой. Мара заморожено наблюдала, как вязкая мгла втягивала в себя дрожащие рядом с ней звездочки. Даже не втягивала — а словно иссушала их, обращала их в прах. Ведьма попыталась увидеть энергию вокруг точки, а когда ей все-таки это удалось, горло сдавил ледяной ужас: цветные искры медленно изменялись, становясь холодными и черными, теряя всю свою природу и свиваясь в невидимые щупальца, которые тянулись к живым огонькам силы. И один из черных канатов уже касался звездного обода, не давая колесу завершить оборот.

Ведьма судорожно вдохнула, хватая ртом воздух. Хелед смотрел на нее, и солнечные блики вспыхивали и гасли на его прозрачной коже. Лес вокруг тихо шелестел, ветер сонно

перебирал листву, а где-то в ветвях беспечно щебетали птицы. Мир, хрупкий и дрожащий, такой светлый и чистый, созданный рукой великого Бога — с великою любовью... Мара ощущала себя частью этого мира, принадлежащей ему и одновременно существующей отдельно. Она была всем — как и тогда, когда соединялась с лесом. Только теперь это ощущение прочно поселилось в сердце и не желало исчезать.

— Благодарю тебя, древний, — ведьма поднялась с земли и низко поклонилась духу, закрыв глаза, — Я вспомнила все, что должна была.

Молодой хелед потянулся к ее ладони, на прощание уткнувшись в нее макушкой, и вновь принялся резвиться в воде.

Ты не боишься, дочь Бессмертного?

Мара задумчиво посмотрела в глаза древнего. Он наверняка знал ответ — но ведьма была благодарна ему за этот простой вопрос.

— Нет. Я ведь не умру.

Солнце сверкнуло там, где сияло сердце хеледа. Мара не сомневалась — он улыбнулся ей.

Верно. Тогда — славно. Возвращайся домой, девочка. В Ночь Сна ты проведешь нас, и как только последний дух уснет, ты начнешь свою дорогу. Край Синеокой — Мертволесье. Там начинается Дикая Охота. Туда ты отправишься, и там отыщешь ее.

Ведьма еще раз поклонилась. Хелед поднялся и зашагал прочь по воде — Маре казалось, что на прозрачной глади оставались его следы: блики осеннего солнца, рассыпающиеся золотом. Следом за ним, выпрыгивая из воды прозрачной рыбкой, ушел и молодой хелед, и скоро водопад скрыл их от взгляда ведьмы. Женщина еще раз окинула взором каскады воды, деревья, обступающие их со всех сторон и берег, все еще хранящий цепь ее следов. Здесь царил покой — и царить он должен еще сотни лет. И никак иначе.

Солнце все еще сияло высоко на небосклоне. Мара поспешила покинуть пронизанные светом водопады — ей хотелось до ночи добраться до северных угодий и заночевать там, как и в прошлый раз. Женщина шла быстро, рассчитав время так, чтоб до сумерек успеть пересечь все реки на пути. Вечера в Гарварне уже были холодными, и прозябать, переходя очередной брод, Мара не собиралась.

Последнюю речушку — ту самую, с полусгнившим мостиком — ведьма оставила за спиной уже под вечер, когда лес начал медленно наполняться темно-золотистым, рыжеватым сиянием. В лесу стояла тишь — только деревья шелестели кронами. Когда стемнеет, Мара уже будет засыпать, уютно устроившись у корней ясеня и ощущая в груди ласковый туман, заполнивший всю ее с того самого момента, как она увидела звездное колесо. И мысли ее будут покоиться в ладонях Бессмертного, и вспышками там будут мелькать образы — глаза матери, громадное Древо в сердце Гарварны, пляска болотных огоньков. Утробное мурлыканье серой кошки. Золотистый свет, расплескавшийся в комнате, где пахнет травами и покоем. Озорная ухмылка Даэн. Мара фыркнула — да что такое? И чего вспомнилась та девчушка с изодранными коленками? Уж лучше бы о колесе думала, глупая ведьма.

Мара не заметила, как принялась тихонько мурлыкать мелодию, невесть откуда взявшуюся в голове. Напев эхом разносился по лесу, оставаясь единственным звуком в звенящей, такой непривычной тишине.

Ведьма замерла. Пичужки, щебечущие в чащах даже под вечер, смолкли — притом уже давно. Молчали козодои, совы не перекрикивались меж собой. Скворцы, в эту пору шумящие

даже на закате, сейчас словно разом сгнули. Мара нахмурилась и направила волну ощущения дальше в лес, за пределы северных угодий, к дому. Нет, там к шороху ветвей примешивались крики сычиков, где-то на болотах протяжно вскрикнул лунь... В северных угодьях же исчезли все птицы. Да и звери — Мара ощущала их, попрятавшихся по норам, едва дышащих.

Ведьма стала струной, чутко реагирующей на каждую искру энергии. Некоторые духи, особенно молодые, периодически демонстрировали свою власть обитателям Гарварны, нагоняя на них страх. Звери и птицы подчинялись древним духам — и стоило только какому-нибудь из детей Бессмертного вплести в энергию леса ощущение опасности, как животные прятались, да так, что самый искусный охотник не нашел бы. Такой властью обладали фаралла и кримхейны, тем же даром, но менее сильным, владели агалати. Еще порой так развлекались те, кого люди кликали лешими и бесями — кельди, но те могли наслать морок лишь на одно существо, не на целые семьи и стаи.

Мара вздохнула, пытаясь отыскать энергию какого-либо духа в пестром хороводе вспышек. Нашли время играть... И ведь наверняка молодой совсем, Белой Смерти не видевший!.. Фаралла отпадали — их всего-то двое, и им нынче не до детских забав. Кельди — тоже, слишком мало у них сил, чтоб так напугать лесных обитателей. Кримхейны... Ведьма видела духа-целителя лишь однажды, на болотах близ гряды Эльги — они не любили отходить далеко от гор. Да и славились доброжелательностью и спокойствием: Мара не верила, что даже совсем юный кримхейн может напугать живое существо — разве что для защиты дома. Но здесь их быть не могло. Оставались агалати. Полудикие и закрытые от мира, вечно говорящие загадками. Их настроение менялось так же часто, как весенняя погода: они могли беспечно носиться по лугам и холмам, заставляя травы петь — а в следующую секунду неистовой яростью вымести из разума человека искорки света и тепла. Агалати не мыслили категориями добра и зла — они творили лишь хаос, и хаосу подчинялись. Первозданность стихии бушевала в них ураганом.

— Ну, где же ты... — пробормотала ведьма, медленно поворачиваясь и выискивая ниточку энергии. Если это агалати, она сможет заставить его забрать морок с обитателей Гарварнского леса — оставалось только найти его.

Мара ощутила то, что искала, когда солнце начало садиться, стремительно опускаясь за темный горизонт. Вот он, живой сполох, не схожий с энергией воды или ветра, пламени или земли... Разве что ощущения жизни как таковой в нем не было.

Ведьма похолодела, разом отпустив тонкие нити энергий. Темнеющий лес, ставший обыкновенным, тонул в тишине и кутался в сумрак. А в сумраке притаилась слепая, свирепая тварь, распугавшая все живое — притом не нарочно: звери сами поспешили затаиться, пока беда не коснулась их... Дура ты, ведьма, как могла забыть... Женщина заставила себя дышать спокойно, мерно и тихо — дух итак уже ощутил ее, когда она принялась искать его, и теперь ей нужно было не выдать себя, ни вздохом, ни шорохом. Она знала, в какой стороне он притаился — но как поведет себя теперь? И что вообще делает здесь?!

Мысли разом пропали, как только сизый вечер обнял деревья. Вдох и выдох. Удар сердца. Мара стояла, не шевелясь и почти не дыша, а из наливающейся темнотой чаши на нее глядели немигающие белые глаза немерта. Дух увидел ее.

===== Глава 7. Раны, которые не заживут =====

Несколько секунд ведьма и дух стояли неподвижно, глядя прямо друг на друга. Густая тень скрадывала очертания немерта — лишь белые провалы глаз мерцали в наливающейся

темноте.

— Тебе все это снится.

Скрежещущий, свистящий шепот с долгим «с», дробящийся в ушах. Если кельди начинали так шипеть лишь для того, чтоб припугнуть ради собственной забавы, речь немертов с самого начала времен была такой, что от страха цепенел любой, услышавший голос духа. Мара намертво стиснула зубы. Если хоть на миг поверить немерту, останется только одна дорога — в вечную мглу, где нет ни покоя, ни лучика света.

— Тебе хочется подойти ко мне.

Темная плеть хлестнула наотмашь — да так, что перед глазами круги пошли, а искорки энергий задрожали, словно блики на воде. Пробует силы, зараза. Примеряется.

— Я так не думаю, — просипела ведьма, успокаивая себя и гася волны страха теплом.

Немерт чуть подался вперед, выступая из темноты. У темного духа было две ипостаси — хищная и человеческая. Мара мысленно вознесла благодарность Бессмертному: ныне перед ней стояла худощавая фигура, на плечи которой спадали спутанные серые лохмы, похожие на пыльную паутину. Рваная черная хламида чуть колыхалась, хоть ветра и не было — и в прорехах ткани ведьма видела обтянутые тонкой кожей кости и черные сеточки вен. Вернее, их подобие — в жилах немерта текла измененная, отравленная энергия, черная, будто смоль. Ведьма и представить не могла, что будет, если «кровь» дикого смешается с чистой природой детей Бессмертного.

Белые глаза с узким хищным полумесяцем зрачка не мигали. Из-под верхней губы выпирали острые зубы-иглы — гораздо острее волчьих клыков. Мара следила за каждым едва заметным движением вокруг духа, улавливая малейшие колебания энергий. В том, что немерт рано или поздно нападет, женщина даже не сомневалась. Но если она сможет заметить изменение энергии за секунду до того, как это произойдет, есть шанс, что отразить атаку она сумеет. Вопрос только в том, сколько придется продержаться до того, как дух примет животную ипостась.

— Забавная, какая забавная... — Мара дернулась от отвращения: интерес духа отразился в голове образом черной змеи, медленно обвивающей хрупкое тело гигантскими кольцами, — Подойди ко мне.

Сердце болезненно сжалось, словно чья-то тяжелая рука стиснула его. Ведьма почти физически чувствовала, как от немерта исходит ощущение ложного покоя — будто весь мир вокруг них до краев заполнялся страхом и ужасом, а дух был единственным островком, которого тьма не касалась. И к этому островку отчаянно хотелось бежать, как можно скорее бежать, укрывшись в дрожащем тумане от сумрачных видений. Только Мара прекрасно знала, что стоит позволить себе сделать один шаг к немерту, как дикое существо вопьется в сознание — а натешившись вдоволь, перейдет и к плоти.

— Ну же, девочка... Подойди.

Тени становились темнее. Мара ощущала, как они обступают со всех сторон, сжимая вокруг нее плотное кольцо. Немерт приблизился еще на шаг, и искорки вокруг него задрожали, замерцали угасающими звездами. Ведьма глубоко вдохнула. Если повезет, ей осталось выдержать не больше пяти минут — в белых глазах уже появился хищный блеск. А если нет... Мара отогнала непрошенные мысли, заставляя себя всем своим существом вцепиться в единственно верное, в то, что никогда не исчезнет и не предаст. Где-то там за горизонтом в благостной пустоте засыпало солнце — ослепительное, горячее, вечное солнце, живущее на доньшке зрачков Бессмертного, и только к его свету она и тянулась. Не

оставь меня.

Немерт сделал резкий рывок вперед, кляцнув зубами. Мара мысленно прокляла себя — энергия духа не изменилась нисколько, а вот сама ведьма дернулась. Дикому явно нравилась эта игра.

— Ты знаешь, как умирает жизнь?

— Смерти нет, дикий, — Мара смотрела в белые глаза, отчаянно пытаюсь не позволить ему запустить когти сомнений в ее душу. Пока что у нее получалось.

Дух рассмеялся. Скрежет ржавых цепей, вой ледяного ветра в стылых казематах, шепот призраков, прячущихся в забытых руинах.

— Так говорит ваш бог, девочка? Я покажу тебе то, что есть, милая, — белые глаза полыхнули, — Смотри внимательно!

Мягкое марево, окутывающее сознание золотистой дымкой, дрогнуло. Боль была настолько сильной, что перед глазами поплыли темные круги, а сердце заколотилось где-то у горла. Немерт изогнул губы в подобии улыбки, чуть откинув назад голову. Прежде чем новая волна вышибла из груди весь воздух, Мара успела ощутить, как едва заметно начинает меняться силуэт духа. Еще немного, бес тебя заberi! Не смей слушать его, проклятая!..

— Не сопротивляйся, маленькая — я покажу тебе истину, какую твой бог не сумеет показать тебе вовеки!

Ведьма уже прекрасно понимала, что противиться духу — выше ее сил. Глубоко вдохнув, Мара собрала все тепло, что было в ней, весь свет, всю мерцающую туманную пустоту в одну точку — невообразимо крохотную и невообразимо громадную. Как бы немерт сильно не ударил, а пустоту разбить он не сможет. Бей.

Черная, ледяная волна накрыла с головой — краем сознания Мара ощутила, как задрожали желтеющие листья на ветвях, когда сила немерта направилась к ней, стремительно сметая со своего пути все, перепутывая нежные ниточки жизни и покоя. А потом ведьма увидела.

Это не было похоже на сон в ласковых ладонях Бессмертного, когда, возрождаясь с каждым новым оборотом колеса, все возвращалось в мир, наполненное силой и жизнью. Это не напоминало танец перехода, когда из пустоты и ухода старого рождалось новое, измененное и хранящее в себе память о былом. Мара видела тонкое деревце, хрупкое и совсем юное, и под его корой разливался мягкий свет, незримый смертным. И прямо из недр земли к нему медленно тянулись черные нити, закручивающиеся узлами и скользкими петлями. Одна из нитей нащупала сияющий корень и впилась в него, остальные тут же потянулись за ней. Ведьме хотелось кричать, когда темнота полностью оплела дрожащее, живое творение Бессмертного — она чувствовала боль этой души, настоящую и реальную, словно сама Мара была тем деревцем. Листья стремительно опадали, скручиваясь и рассыпаясь прямо на глазах, ветви пошли узлами и изломами, а черные змеи все тянули и тянули из него жизнь, выпивая его без остатка. Когда не осталось ни капли живой энергии, они так же медленно ушли в землю, расползаясь во все стороны, жадно выискивая свет и набрасываясь на него со свирепостью голодных диких зверей... А в хрупком иссохшем тельце не осталось больше ничего.

Мара запоздало поняла, что стоит на коленях, однако это сейчас было неважно. В белых глазах, впивающихся в ее сознание, читалась ядовитая насмешка — и жуткая, безумная радость.

— Видишь, девочка?.. Твой бог не сможет защитить вас от этого. Красиво, правда же?

Как красиво, маленькая!

Ведьма услышала собственный сдавленный всхлип, вырвавшийся из горла. Видение выжгло душу, и пустота сумела смягчить это совсем немного. Так ничтожно мало...

Если он нападет, я не отобьюсь. Осознание было настолько ясным и четким, что ведьма замерла на миг. Сил практически не осталось, руки дрожали, а теплые ниточки энергий ускользали из-под пальцев, как только она пыталась коснуться их. Но вместе с осознанием пришел странный покой, неведомый доселе. Может быть, если так случится, ее сила разольется рекой по Гарварне, и колесо довернется и начнет новый путь. Только бы не так, как показал дух... Только бы не так.

Немерт подошел к ней, опускаясь рядом. Прямо перед лицом мерцали голодным блеском дикие глаза, и Мара чувствовала холод, исходящий от бесплотного тела.

— В этом — истина, маленькая, — меж серых губ влажно блеснули острые клыки, — Лишь в этом правда, которую прячет от вас тот, кого вы зовете Бессмертным. Но когда моя Госпожа придет к нему, с ним произойдет то же самое, и тот, кто без смерти, смерть обретет... А следом за ним — и все вы. Ты будешь первой, маленькая.

Мара больше не раздумывала и не медлила. Клинок с мягким шелестом выскользнул из ножен, и ведьма ударила. Движение, показавшееся ей самой медленным и нерасторопным, немерт заметил слишком поздно, не успев ни увернуться, ни заблокировать удар. Мара была лишь на миг быстрее, а потому, когда дух в слепой ярости полосонул когтями в ответ, ведьма успела прикрыть незащищенную шею предплечьем. Боль жидким пламенем разлилась в раненной руке, но времени обращать на это внимание не было. Ведьма быстро вскочила на ноги, держа кинжал наготове и чувствуя волны ненависти, пульсирующие в немерте. Дух впился в нее цепким взглядом, и на лице его появился зловещий оскал.

— Умная девочка, какая умная...

С самого детства Мара знала — духи боятся железа. Лишь оно могло ранить их, лишь оно могло причинить боль. Люди придумывали легенды и сказки о волшебных созданиях, что испокон веков жили в лесах и боялись огня и железа, а почему — о том никто и не ведал. Только сами духи знали правду.

— Почему вы чувствуете железо?

Туманные глаза иль-вэане блеснули в темноте. На протянутую ладонь духа опустилась болотная искорка, словно ищущая утешения в руках бесплотного существа.

— Железа нет в Бессмертном. В пустоте нет железа.

— Но ведь все под луной живет, древняя. Разве в нем нет души, соединяющейся в Бессмертным?

— Иллеванна не говорила, что души нет. Душа соединяется. Тело не растворяется. Только это тело не становится Бессмертным. Оно слишком твердое.

— Я не понимаю, древняя...

— И не поймешь. Не время понимать.

Сейчас же Мара понимала. Пустота, из которой были созданы духи, не могла принять в себя и изменить по своему подобию железо. Они могли слиться с чем угодно, растворить в себе все, что угодно — но только не железо. Там, где лезвие вспоролось плоть немерта, чернела непроглядная бездна.

Рука немела от боли. Мара тяжело дышала, не отрывая глаз от сидящего на земле духа. Немерт не отрываясь следил, как медленно стекают капельки крови с ее ладони, и от этого ведьме стало не по себе.

— Кровь за кровь, маленькая...

Ведьма приготовилась. Несмотря на слабость, в сердце расплескалась привычная тишина, смывающая собой даже боль. Мара прикоснулась к ней и ощутила, как струится по венам живое тепло, вечное и настоящее. То, что никто отнять не сумеет.

Вдруг немерт замер, глядя куда-то сквозь женщину. Полумесяцы зрачков расширились, заполняя темнотой белые глаза, тонкие губы чуть подрагивали. Казалось, дух прислушивается к чему-то, неслышному никому кроме него. Мара напряглась — перекидывались немерты по-другому, энергия их начинала тут же меняться, сплетаясь в жуткий кокон темноты вокруг трансформировавшегося тела. Сейчас же происходило что-то иное.

Дух, пошатываясь, поднялся на ноги. Бездна внутри него пульсировала жуткими черными волнами боли — и еще чего-то такого, чего Мара страшилась до дрожи. Чего-то совершенно мертвого, без единой искорки жизни, без единого огонька энергии. Только то, что он звал смертью.

— Рад бы взять твою жизнь, маленькая, но моя Госпожа зовет нас... Мы еще встретимся с тобой, девочка. Я выпью тебя до доньшка, обещаю тебе, — немерт облизнулся, хищно втягивая носом воздух, — Жди меня, маленькая.

Мара ощутила, как резкий порыв ветра толкнул ее в спину — а в следующий миг размытая тень немерта уже мелькнула меж деревьями, исчезая прочь. А следом за ним исчез вязкий страх и мертвенный холод, исчезли черные сполохи, пытающиеся втянуть в себя все живое и светлое, мерцающее вокруг. Еще несколько долгих минут стояла тишина, но вскоре где-то в роще совсем рядом послышался осторожный, тихий крик ночной птицы. Хрустнула ветка. Зашуршали заросли густой травы.

Мара устало привалилась спиной к ближайшему дереву, хрипло дыша. Женщину била крупная дрожь, руку нещадно жгло. Ах ты... Ведьма отвернула изодранный побуревший рукав, разглядывая раны. Три борозды, идущие наискось. Хоть не сильно глубокие — и то хорошо. Гораздо больше беспокоило другое. По краям их пульсировали крохотные сгустки темноты, отгоняющие энергии Бессмертного. Если раны не вычистить, то зараза может проникнуть глубже, и вот тогда она разделит судьбу того деревца, что показал ей немерт.

Видение нахлынуло вновь, больно впиваясь в самое сердце. ...Истину, какую твой бог не сумеет тебе показать... Это было неправильно, невысказанно больно. Это была самая громадная и страшная ложь, которая только могла существовать. И больше всего ведьму пугало то, что одно зернышко этой темноты может прорасти черным ростком, вытягивающим из всего живущего то самое тепло и пустоту, из которых и рождалась жизнь. Стоит только поверить в эту ложь — и она начнет существовать на самом деле. Поддайся, шептал разум. Ты своими глазами видела, своим сердцем ощутила. Поверь и поддайся. Мара сопротивлялась всеми силами, и, видит Бессмертный, выстояла в этот раз. Но сумеет ли в другой раз, когда со всех сторон будет обступать темнота, когда сломится все то, что раньше было нерушимым и крепким...

Пустота внутри колыхнулась, мелко задрожала. Ведьма прикрыла глаза, находя ее в себе, успокаиваясь и затихая. Страх ранит глубже, чем любые когти, и раны от него не залечишь ничем — лишь верой. И нежное, мягкое сияние в сердце отозвалось, стоило только позвать. Покой пришел, ласково обнял дрожащие плечи и прогнал крошечную темноту, наползающую и тянущую руки все ближе. Вот и ты, Бог-Пустота. Вот и ты, Бессмертный. Здравствуй.

Раны продолжали кровоточить, однако ведьма не обращала на них внимание — пусть, пусть. Кровь уходит в землю, прорастает травой, тянется к небу. Пусть.

Мара плела нить, свивая искорки в сияющий луч. То, что изначально от самого рождения было пустым и чистым, наполнялось искристой силой жизни, солнечным светом и исцеляющим теплом. Нить мягко проникала в плоть, убирая черные сгустки, расщепляя их и обращая пустотой. Вот она, единственная правда. Смерти нет. Ведьма улыбнулась дрожащими уголками губ, ощущая, как становится легче. Под кожей снова звучала песнь, пронизывающая все живое и заставляющая сердца биться в едином ритме.

Иной правды не было, нет и никогда не будет.

Ночная тишь, наполненная звуком и прохладой, обняла и укрыла плащом. Шершавая кора дерева под ладонью была приятно теплой, и под ней стучало сердце. Ведьма сидела, прижавшись к нагретому солнцем стволу и обхватив его руками, и слушала, как листва тихо перешептывается с тихим ветерком, гуляющим в кронах. В этом тоже была та самая мелодия.

Во всем. В звуке дыхания сумрачного леса. Во влажной тяжелой росе на начинающей вянуть траве. В тихом серебряном перезвоне ручейков где-то далеко, в шелесте птичьих крыльев над головой, в ласковом тепле, ощущающемся сквозь грубую кору. И не существовало той силы, которая могла бы заставить эту песнь оборваться на самой чистой и высокой ноте, в самый яркий момент жизни. Мара знала это настолько четко, что все иное, весь страх и ужас просто размывался, уходил куда-то за пределы мира всего. Красота жизни пронизывала все, рожденное среди сотен звезд. И будет пронизывать все вечности, все секунды и века... Иначе быть просто не могло.

Мара легонько прижалась губами к шероховатой коре, благодаря древо за силы, которыми оно поделилось с ней. За песнь, которую она слышала в нем. Белые глаза духа, глядящие на нее из тьмы, остались далеко, растворились в пустоте, и сейчас в сердце не было ни звенящего страха, ни сомнений.

Колесо не замрет. Ничто не замирает — и ничто не гибнет.

===== Глава 8. Болотный огонек =====

Дни летели, словно листья по ветру, рассыпались по земле цветными камешками и птичьими перьями. Раны зарастали, глаза наполнялись туманом, а сердце — тишью. Колесо мучительно медленно поворачивалось, и одинокие звездочки, срывающиеся с гаснущих спиц, затухали в темноте осенних небес. Тихо-тише, тихо-тише, звенели они, и мир послушно затихал. Шелестят крылья, шелестят листья, тихо-тише, тихо-тише, спи...

В стылую звенящую высь неба чья-то ладонь разлила серость, осеннюю прохладу и запах влажных листьев. Кроны деревьев, тронутые золотом, все чаще беспокойно шелестели на ветру, день ото дня полыхая все ярче. Осень уже танцевала на склонах холмов, меж деревьев Гарварнского леса, и все живое готовилось к долгому зимнему сну.

Маленькие листочки акации, больше похожие на желтые монетки, медленно срывались с ветвей и, дрожа на прохладном ветру, опускались на темную гладь пруда. По воде расходились круги от каждого касания, и спокойную толщу пронзала едва ощутимая дрожь. Лиреана, лежащая на мягком илистом дне, не спала — солнца уж не было, и над Гарварной раскинулась задумчивая хмарь, на которую было так славно глядеть сквозь прохладное зеркало тихих вод. Водоросли прорастали сквозь ее тело, сонно колыхались и тянулись вверх, туда, где на поверхности сверкали серые блики.

Ночь Сна. Весь мир тихонько шептал о том, что время пришло, время настало, и сон уже

тихо ворочался в ее груди. А вместе с ним — страх. Лиреана всеми силами боролась с нарастающей тревогой, но поделаться ничего не могла: по ночам синий взгляд Ярис цепко впивался в самую душу, и скрыться от ледяных ее глаз было невозможно. Духи затихали, ощущая каждой частичкой своих бесплотных тел опасность, готовую вот-вот обрушиться на мир, и по ночам теперь лес не наполнился беспечными песнями и голосами. Лишь болотные огни как и всегда резвились в чащах, и в этом было что-то такое отрадное, что лиреана всякий раз благодарила Бессмертного, завидев яркий сполох меж темных стволов. Надежда. Словно свежее дуновение ветерка в затхлой пещере. Словно улыбка и звонкий смех молодого духа, впервые увидевшего синее небо этого мира.

Рябь, пробежавшая по воде, отозвалась во всем теле. В этом была великая тайна, великое счастье, незыблемая связь. Все живое было так прекрасно сплетено, свито в единую нить — они ощущали это всей сутью своей. И постоянно, чувствуя кожей, как мягкая травинка задевает гладь воды, лиреана улыбалась.

Глубокая тишина спокойной воды, заполняющая тело, медленно переливалась внутри. Лиреана медленно подняла руку, прозрачную и легкую, и лучи света прошили ее насквозь, высветив крохотные искорки и танцующие пылинки. Скоро в сон, скоро сон...

Мягкая, плавная тень, опустившаяся на зеркало пруда, вывела духа из оцепенения. Лиреана усмехнулась — когда Мара приходила, по воде шла приятная, нежная рябь. Она могла бы различить это ощущение среди тысячи подобных. Оттолкнувшись от водяной невесомости, дух устремился вверх, где виднелся знакомый родной силуэт.

Осенью очертания всего живого всегда менялись. Когда лиреана пришла в мир, она не замечала этих тонких изменений — слишком новыми были ощущения, слишком пела в груди жизнь и сила Бессмертного, чтоб обращать внимание на то, как затихает во всем хмельное солнечное лето. Но с течением времени дева вод научилась наблюдать. Ласковый туман скрадывал очертания и смягчал тени — но делал их глубже, задумчивей, размывал линии. В косу Мары он заплел свои мягкие ленты, и волосы ее теперь казались темной густой дымкой, свитой в тяжелую нить. Он словно наполнил ее тело, сделал ее иной. Тихой.

— Здравствуй, дева вод, — негромко молвила женщина, присаживаясь на берег. Белые кисти тонких рук коснулись воды, и влага заблестела в чаше ее ладоней.

— Здравствуй, Мара, — губы лиреаны сами растянулись в легкой улыбке: ведьма одним своим присутствием успокаивала и наполняла какой-то серебряной верой, сильной и надежной, — Пришла прощаться?

— Пришла проводить, — женщина усмехнулась уголком губ, — Я-то знаю твою тропу. Пойдешь по ней — а я следом, до самого Древа.

Дева вод покачала головой:

— И охота тебе... Сырость такая, зябко. Дома бы сидела, у огня.

Глаза ведьмы сверкнули сталью, а в голосе появились твердые, словно камень, нотки:

— Охота. Я должна провести вас. А ныне — так тем более должна. Так повелел древний, такова и моя воля, — взгляд ее чуть смягчился, — Да и нравится мне глядеть, как вы возвращаетесь Домой. И ощущать нравится.

Лиреана не ответила — лишь с благодарностью смотрела на Мару. То, что ведьма из года в год ходила с ними в Ночь Сна, было так важно, так невероятно дорого и правильно... Она не боялась засыпать, уходя под темный пустой свод Дома, в котором таяли звезды — потому что сквозь пелену на нее глядели сумрачные глаза с серебряными искрами. И в нынешнюю Ночь Сна это было особенно светло.

Под широкий темный рукав забрался ветер, колыхнул ткань. Лиреана в который раз скользнула взглядом по шрамам, виднеющимся на белой коже женщины. Внутри запульсировал тупой комок боли — прошло почти две луны с тех пор, как немерт напал на Мару, а дева вод все никак не могла привыкнуть к этим некрасивым полосам на бархате ведьминских рук. Все никак не могла поверить в то, что кто-то посмел навредить ведьме — да еще и дух. Существо, рожденное изначально Бессмертным!.. Пусть и отравленное — но дитя Бога... Будь ты проклята, Синеокая!..

Мара, конечно, не признавалась в том, что раны терзали ее, прятала их под длинными рукавами — да только лиреана умела ощущать. Следы немертвовских когтей горели огнем, жгли ее руки, и дева вод всем сердцем хотела ей помочь — только Мара лишь усмехалась, мягко останавливая ладони духа, тянущиеся к ней. Лиреана и спорила, и доказывала, и умоляла, и ругалась с ней — а толку никакого: ведьма упорно отвергала ее помощь. Дева вод решила попытаться еще раз. Последний — вдруг упрямая женщина наконец согласится?

— Позволь мне коснуться тебя, Мара, — темные глаза с золотыми искорками цепко впились в выглядывающие из-под ткани полосы. Дева вод подняла взгляд к лицу ведьмы и почти что взмолилась, — Я прошу тебя, позволь. Мы умеем забирать эту боль, разгонять ее, излечивать... Прощу, дай мне избавить тебя от этого. Он отравил тебя, и если не рассеять его след, ты будешь мучиться так до конца своих дней.

Мара уверенно качнула головой:

— Нет. Это — память. Память о том, что будет, и о том, что должно сделать. Нет, — жестко молвила женщина и отдернула руку, когда лиреана попыталась поймать ее ладонь, — К тому же, это так неважно, — на ее лице мелькнула отстраненная задумчивая улыбка, — Вряд ли они будут тревожить меня, когда я соединюсь с Бессмертным.

С этой мыслью деве вод тоже было очень тяжело свыкнуться. Она не могла себе представить лес без ведьмы. Ей не верилось, что новая весна не опустится в белые ладони птичьим перышком, не разольется в серых глазах звонкой капелью, не заплетет в смоляные волосы запах молодой травы и фиалок. Глупая лиреана, прекрати. Она же никуда не денется. Гарварна все так же будет сиять в лунных лучах, и сердце колдуньи еще сильнее сплетется с сердцем леса, с сердцем Бога. Может, она даже вернется из Пустоты девой вод. Или ильвэане. Да. Это было бы очень славно — лиреана так и видела, как искры болотных огоньков отражаются в бездонных ее глазах, и папоротники прорастают сквозь бесплотное тело. Что-то верное было бы в таком ее возвращении.

— Но сейчас-то ты еще не с Бессмертным, — проворчала лиреана, понимая, что в этом споре ей не переубедить Мару. Ведьма лишь повела плечом, закрывая эту тему — и дева вод не стала ей перечить. В конце концов, у каждого — свой выбор. Стало быть, так ведьме нужно.

В серой хмари давно затих шелест птичьих крыльев, но духу казалось, будто там, в стылой вышине, мечутся далекие тени. Она глядела вверх, за черные переплетения ветвей, укрытые тонким золотым кружевом — и прощалась. До весны, до самой весны. Хоть бы до весны...

Ей очень хотелось вернуться сюда, в мир, наполненный запахами и звуками, в бесконечную солнечную круговерть. Пускай у тебя все получится, ведьма... Лиреана снова взглянула на Мару. Она изменилась — так же, как все живое менялось осенью. Стала спокойнее, старше — даже древнее. Дочь Бессмертного, истинное его дитя, которая видела свой путь и не страшилась его. Дающая надежду на то, что за долгим сном настанет новый

рассвет, и он будет во стократ прекраснее, чем все прожитые. И лиреана верила ей, потому что иной веры быть и не могло.

Ведьма нарушила воцарившуюся тишину первой:

— Пора.

Пора, да.

Лиреана закрыла глаза и улыбнулась, поглубже вдыхая сладковатый звенящий воздух. Сердце запоминало каждый оттенок, каждую искорку, каждый блик, сохраняло навек и сберегало. Образ сам соткался из тумана, и дева вод отпустила его к Маре. Алая ягодка шиповника, упавшая в темный мох, припорошенный первым снегом. Во мху было тепло, ласково, надежно — словно под материнской ладонью. Так и береглась память в бессмертном сердце духа.

Мара тихо улыбнулась, не поднимая век.

— Красиво. Сбереги до весны его, дева вод.

— Сберегу, — кивнула лиреана, а затем тихо добавила, — А ты сбереги нас.

Мара не ответила — в том не было нужды. Не было нужды обещать что-то — что там те слова, полынный дым, не более. Все, что должно, она сделает. А там уж будет дорога: пока еще укрытая туманом, едва различимая, но прямая и верная.

Лиреана сделала еще один вдох, наблюдая, как дрожит на легком ветру золоченый листок акации, подхваченный холодной ладонью воздуха. Прикосновение к воде, прикосновение к коже.

Доброй зимы, мир.

Дева вод уходила на дно, чтоб через мягкий ил просочиться вниз, к ледяным подземным водам, и пойти по этой тропке к Древу Бессмертного. Обращаясь водой, она глядела в серые глаза, где разливался густой осенний туман и покой пустоты, и в тихой песне ветра ей слышался ведьмин голос. Все будет так, как должно. Гладь сомкнулась над головой, и наполненное жизнью бестелесное сердце блеснуло из темноты воды мягким бликом — а затем исчезло.

Мара проводила взглядом сполох света, а затем поднялась с холодной земли. Мир, золотисто-серый, туманный, пахнувший влажным мхом и палыми листьями, казался печальным и далеким — и в то же время родным, знакомым до боли. Ведьма повела рукой по воздуху, позволяя потокам ветра успокоить ноющую боль в распоротой руке. Шрамы давно затянулись, но жжение никуда не девалось, периодически становясь совсем нестерпимым. Но ведьма все чаще ловила себя на том, что с каждым днем боль тревожит ее все меньше — все мысли женщины снова и снова возвращались к звездному колесу, к дереву, растущему из туманного озера и к черной точке, поглощающей саму Жизнь. Это было гораздо больнее, жгло сильнее каленого железа. И метка немерта не давала забыть, что ждет мир, если колесо так и замрет.

Последний фаралла ушел всего несколько дней назад — его сил хватило, чтоб колесо повернулось, чтоб ворот стал на место. Когда пронзительная волна силы прошла по лесу, Мара едва устояла на ногах, буквально всей кожей ощутив, как мучительно медленно, со скрипом, поворачивается звездный круг. Фаралла навсегда покинули леса Гарварны. Ведьма не знала, остались ли они где-то еще — древних лесов было не так уж и много. Стало быть, еще один виток закончился. Или вот-вот кончится.

Ведьма усмехнулась — вот она, Божественная игра: колесо останавливается, виток завершается, время замирает, бывшее уходит. Танец перехода. Что будет там, на новом витке?

Женщина шла, ведомая самой энергией, текущей тонким серебряным ручейком под землей. Где-то там в сияющем потоке дрожало сердце лиреаны, стремящееся по воде туда, где заканчивался и начинался путь. Вокруг гасли огоньки прошлого, таяли туманом среди еловых веток и дрожащей на ветру листвы. Тихо-тише, спать...

За водой пойдешь — вовек не воротись.

Так говорили в Фаулире детям — ходи не за водой, а по воду; коль за водой пойдешь — назад не воротись. И все малыши боязливо глядели на речушку, неторопливо несшую прозрачные воды вглубь Бар-эс-Тиллада. Ту самую речушку, что огибала дом деревенской ведьмы Виски, подходя так близко к крыльцу.

Мара прикрыла глаза, вглядываясь в мир. Человеческий взгляд не увидит, не различит...

Серое, синее, дымчатое. Бери руками — и свивай нити, и кутайся в эти ткани, и прячься в своей синеве. Туман — он все знает. Он слушал ее песни, которые были беззвучными, и улыбался ей, доверчиво опускался в подставленные ладошки, путался в волосах.

А далеко, где-то далеко, за пределами пустоты, сейчас засыпает лес, и в тумане болотные огни тают.

За водой пойдешь — да назад не воротись, говорили матери, когда наперегонки дети бежали к кринице, чтоб набрать ледяной, сладкой воды. И каждый ребенок тогда знал: нужно идти “по воду”. Мара же ходила за водой. Нет уже криницы, нет сладкой воды, и детей давно уже нет. А вода — есть. Синяя, глубокая, темная, и я иду за ней.

Ночь Сна идет следом за туманами, и духи прячут в холодных руках искорки осени. Предзимье... И огни Сна, и я бегу за ними, я растворяюсь в туманах и в этих огнях, в воде, в сером, в дымчатом. Во всем поют те, кто уже ушел за водой, и столько неземной красоты в этом...

За водой пойдешь — вовек не воротись.

Серая, перламутровая осень ступала следом, разбрасывая из подола листья, укрывая холмы. А Мара шла за водным потоком, вновь улыбаясь этому Божественному переплетению, этой игре. Все-то ты знаешь, Бог-Пустота... Ветер зашелестел, будто отвечая ей, будто бы толкая под локоть, словно смешливый и добрый друг с вечностью в глазах. Не знающий предательства, не знающий боли и смерти друг, ведущий по единственной тропе, сквозь влажную траву, сквозь молочные туманы — к Истине.

Серые воды под серым небом, желтые пятнышки листьев, тонущих в сером, запах влажной осенней травы — и птицы, шелест птичьих крыльев в вышине над поразительно легким, пустым телом... Мара шла как во сне, не ощущая себя саму — но ощущая невыносимо остро Жизнь вокруг себя. Серое тонуло в сером. Волны нездешних голосов. Бродит сон, бродит явь.

С дальних роц, из низин к ведьме стягивался дым осенних костров — окружал, опутывал. Ведьма глядела сквозь время на саму себя — только забытую, оставленную в этих лесах несколько лет назад. Тогда в Ночь Сна она пришла к Древу Бессмертного рано и прилегла на холодную землю, позволяя себе ощутить лопатками острые мелкие камешки и крохотные веточки, и стылый холод листьев, тронутых серебряной коркой изморози. Тогда она совсем не чувствовала себя, а трава прорастала сквозь ее руки и ребра. И не пошевелиться, не сделать ничего. Серая ведьма, небо серое, вода серая. И Мара ныне видела это так ясно — словно лежала все так же и там же.

Туман склонялся над миром, целовал землю, трогал призрачными руками волосы-деревья. Замерший мир тонул в осени, Мара — в мире, птицы тонули в небе, а листья — в

воде. И она знала, к чему идет.

Чистый покой заполнил все сердце, до самого доньшка, вымел все сомнения и страхи — даже боль из затянутых новой кожей шрамов. Ей так сильно хотелось быть чем-то прозрачным — тем самым осенним духом в старом, забытом всеми богами лесу. Всеми, кроме одного — древнего, верного.

Смотреть желтыми глазами на октябрьскую луну и чувствовать, как она отражается в бездонных зрачках, как ее лучи исчезают бликами в темных водах прудов и глубоких колодцев. Серп ее — резкий, острый, холодный. И ты — такое острое создание с лунными глазами, пахнущее осенью.

Мара улыбалась своему Дому, прощаясь с ним до весны так же, как недавно прощалась лиреана. Поваленные шквальным ветром деревья, поросшие лишайниками и мхами. Задумчивые угрюмые валуны с шершавыми боками, под которыми притаились шляпки грибов. Прогалины с травой по колено, где летом вызревает крупная сочная земляника — и столько ее, что ступить невозможно! Ивовые косицы, колышущиеся на холодном ветру, а за ними — строгие темные силуэты вековых сосен и елей. Вот он, Дом. Вот она, Жизнь.

И не вернуться в жизнь — разве можно? Есть ли что-то иное, кроме этого покоя и бесконечного рождения?

Серебряный ручеек под землей резко вильнул в сторону, потянулся на север. Мара ощущала, как из всех уголков Гарварны духи медленно тянутся к Древу Бессмертного, и сотни сердец бьются в едином ритме и дрожат сладковатой и светлой тоской. Ее собственное сердце, отныне не принадлежащее ей, потягивало точно так же. В тишине слышались шелесты, шепоты, еле уловимое дыхание, тихий стук. Шорох шагов. Серебряный звон искорок. Песнь огоньков.

Как только сумерки опустились на леса Гарварны синим плащом, болотные искорки сами появились. Нынче им — сиять так ярко, как не сияли в летние ночи, да петь так звонко, будто в первый и последний раз. Впрочем, так оно и было.

Что-то заканчивалось, а что-то начиналось.

Перед лицом завис огонек. Мара вдруг ощутила что-то совсем иное, увидела то, чего не видела никогда в своей жизни: из мягкой глубины голубоватого сияния на нее глядели глаза. Красивые, бесконечно красивые глаза с бликами солнца на доньшках. Женщина вгляделась в эти искорки. Под кожей — где-то в области шеи — волной прошла удивительная дрожь — приятная, незнакомая, похожая на сердцебиение птички. А вокруг разливался тихий, ласковый звон, словно существо пело ей. Ведьма замерла, глубоко вдохнула — и открылась ему.

А затем был тихий голос.

Вереница образов.

Цепочки слов.

Тайный путь. Вот выходишь ты из дома, босиком да по выпавшему снегу, да бежишь, а за тобой — волнами легкая синяя, белая, серая ткань тумана, из ниоткуда возникшая.

А ты все бежишь, бежишь, хватаешь губами холод, смеешься, руки раскидываешь, дрожишь. И все дальше, дальше. Следом за исчезающими огоньками, синими и фиолетовыми, ловя их в замерзшие, но теплые ладони.

Выдыхаешь пар-воздух, скользкий по ключицам, и бежишь. Замираешь. Танцуешь в синей, хрустальной тьме. Среди призрачных, легких силуэтов ночных духов...

Среди волн мягкой темноты, мягких сумерек...

Слушай. Молчи.

А дрожь под кожей ходит и ходит, заставляет прикрывать глаза и улыбаться, заставляет ловить под веками вспышки и незримые образы. И вновь все, как в тумане сером.

Вновь срываешься со своей жердочки, птичка, и нет уже тебя здесь.

Духи, милые мои духи, спасибо вам за свободу от тела, чтоб можно было убежать босиком по снегу следом за хвостами синих комет, следом за сумрачными нитями.

Новый бег-полет, и ты бежишь, пока силы есть, ловишь ладошками снег, и бежишь. Дальше. Дальше. Так далеко, как только можешь — до обрыва, где высокая трава пригибается под ветром, где снега остались позади, и лишь вереск да полынь вокруг. Лишь бесконечность моря далеко внизу. Разбегаешься, и не падаешь. Летишь...

Губами, приоткрытыми — воздух. И петь.

Руками, дрожащими руками — звезды.

Глаза — закрывать. Растворяться. Слушать. Быть.

Невидимость и тонкий сумрак.

Назад — не оглянуться.

Дальше, дальше... Волны сумраков, таких цветных, таких одинаковых. Так вода захлестывает легкие, когда ты падешь в глубокое синее море, так жжет и душит, так уходят жемчужины дыхания вверх, к колышущейся поверхности. Но ты растворяешься. Тебе не нужно дышать. Ты и есть воздух. Ты и есть волшебство сумрака, ты и есть смеющийся дух, ты и есть развевающаяся трава над обрывом...

Огонек дрожал перед ней, а ведьма дрожала, глядя в него.

А потом искорка взвилась вверх, так далеко и высоко, растаяла в сизой дымке. Сердце колотилось где-то у горла, и женщина старалась дышать глубоко и мерно, пытаясь вспомнить саму себя — да только больше не было ее самой, и не было больше ничего. Только звездное колесо и прорастающая прямо из сердца серебряным ростком пустота.

Огоньки знали гораздо больше, чем самые древние духи. Огоньки и были ими, самыми древними, самыми первыми. Их радость, их детская беспечность — вот она, та самая сила, то самое важное, самое светлое знание, что вынесли они из сердца Бессмертного. Растворяясь в нем и обретая собственное сердце, они навек освободились от плоти, от оков, становясь чистым светом. Чистой радостью. Чистой Жизнью.

Мара точно знала, кем бы хотела вернуться в мир.

Деревья расступились, и в густой синеве сумрака появился огромный силуэт исполинского дерева, в ветвях которого вспыхивали синие и золотые искры. Шелестела листва, духи пели в кронах, и из темноты выходили тонкие, туманные, легкие фигуры, а вокруг них звенели серебром огоньки, высвечивая лица и сердца древних духов Гарварны.

Мара поклонилась низко, до самой земли, закрыв глаза.

Ночь Сна настала.

===== Глава 9. Ночь Сна =====

...Как по осени вода в озерах синяя-синяя становится, словно диковинный драгоценный камень из тех, что привозят купцы из-за Эйнарвисского моря — плывут по ручейкам лодочки-листья. Плывут, золоченые, задевают резными краешками камышовые заросли, путаются в водорослевых сетях. Птичьими криками и детским смехом провожаемые, уходят в стылую даль, и прозрачные паруса их наполнены холодными ветрами, и руки русалок под днищами лодок белы. А там, за туманными низинами, начинается их дом, и возвращаются они туда так легко и радостно — вовсе не по-осеннему. Всякое возвращение Домой

наполнено сладостью и щемящим счастьем — и кому не знать это лучше, чем палым листьям?

Синие сполохи в ветвях тихонько звенели, словно стеклянные трубочки, в которых пел ветер. Россыпь холодных звезд в небе тоже пела — совсем иную песнь, и переплетение этих мелодий заполняло лес под темными сводами крон. За узорным кружевом плюща начиналась угольно-черная мгла, в которой один за другим таяли силуэты духов. Маре казалось, что под темной шершавой корой всякий раз, когда пустота принимала свое дитя в себя, пробежали синеватые молнии, от самых корней и до затерянных в вышине кончиков ветвей.

— Крас-с-с-сиво, правда?

Ведьма скосила глаза на кельди, сидящую подле и ждущую своей очереди. Та была задумчива и тиха, и в разноцветных глазах отражались звезды и время.

— Правда. Древняя, по Древу идет сила? Когда духи засыпают?

Кельди поморщилась:

— Какая я тебе древняя, ведьма? Так... молодо-зелено.

Словно в подтверждение ее слов, в чаще послышалась чья-то возня и свистящий смех, а затем на поляне появилась стайка резвящихся кельди. Самая юная пыталась догнать остальных, схватить хоть кого-нибудь, но духи выворачивались из рук сестры. Те, кого люди звали бесями, заплели в косы ниточки травы и гроздья шиповника, и синие блики плясали на круглых алых боках ягод в их волосах. Сидящая рядом с Марой кельди довольно усмехнулась, наблюдая за ними.

— Ишь, молодняк... А то все вон какие хмурые, будто не к Бессмертному до весны идем, а в Бездну на веки вечные!

Мара усмехнулась: из всех духов только кельди да болотные огоньки оставались легкими да радостными в нынешнюю Ночь Сна. Иль-вэане, отдельной группой сидящие неподалеку от Древа, почти не шевелились, глядя на крылатых духов, но ведьма каждой частичкой тела ощущала их неодобрение: мол, негоже так себя вести на пороге Бессмертного, перед старым и добрым Богом. Но кельди знали то, о чем древние иль-вэане не ведали. Богу угодна радость. Богу угоден смех. А страх и грусть — разве нужны они?

Кельди между тем продолжила:

— А что до твоего вопроса... Древо — это наш дом, Мара. И то, что ты видишь означает только одно — в свой дом мы возвращаемся чистыми, изначальными. Темное сюда не проникнет. Ежели б немерт или еще какая дрянь попыталась проникнуть в Дом Бессмертного, ты бы увидела, как черно-алые искры замерцали бы под корой, и пустота не приняла бы того, кто отравлен. Он просто не сумеет войти. Не сумеет навредить изнутри.

— Поэтому они хотят запечатать Дом снаружи?

Кельди повела плечом:

— Да кто ж знает, что они там хотят... Просто так должно, вот и все. И чего горевать, коль так рано или поздно происходит? Мы все равно возвратимся сюда. Я верю в это, ведьма.

Мара не ответила, но в сердце теплой волной поднялась благодарность. Тишь вокруг, нарушаемая лишь голосами духов, искрилась и дрожала от вспышек силы и образов. Сотни образов, тревожных и беспокойных, и сотни тихих слов, мягких, верных, надежных. Духи утешали друг друга, отгоняли сомнения друг друга, оберегали тех, кто страшился нынешнего сна. Связь тысячи живых существ прошивала Мару раскаленной добела иглой — только боли

не было. Лишь покой и бесконечное ощущение правильности и неразрывности этой крепкой единой нити.

Вот уже и все хеледы ушли к Бессмертному. Первыми всегда уходили духи воды — самые хрупкие и ощущающие холод зимы сильнее других: сначала лиреаны, следом за ними — кримхейны, духи-лекари, а уж потом и хеледы.

Следующими шли в пустоту иль-вэане. Мара узнала меж туманных духов одну, осеннюю, острую и хрупкую — она поднялась первой и направилась к Древу. Звездный свет, казалось, пронизывал ее насквозь, и клубящийся над ее головой туман волос сиял подобно утренней дымке. Красивая, мелькнуло в голове у ведьмы. Иль-вэане пела тоской и печалью, звенела горечью — но не боялась.

Серебристый огонек опустился на плечо древней. Та медленно повернула голову к нему, и тут Мара впервые увидела улыбку иль-вэане — не оскал, не кривую ухмылку... Острые черты бесплотного лица, освещенного изнутри, будто смягчились, и в туманных глазах под прозрачными ресницами разлилось тепло. Уголок губ чуть приподнялся, и болотный огонек радостно зазвенел весенним колокольчиком, отвечая на ее улыбку. Искорка взвилась выше и легонько коснулась кончика острого носа иль-вэане, а затем умчалась к своим братьям и сестрам, а иль-вэане вдруг рассмеялась.

Мара замерла. Круговерть живых, ярких словно само солнышко образов, поглотила ее, закружила былинкой на весеннем ветру. Иль-вэане смеялась, а женщина видела маленьких детей, сияющих золотом и играющих с длинными цветными лентами, звонкие капли на краю зимы, первый полет несмышленого птенца... лепестки яблонь и вишен, устилающие тропинки, мягкий теплый закатный свет сквозь листву... звездопады в конце лета, медовый и пьянящий вкус сладких губ... чьи-то глаза, темные и лучистые, с искрами плавленого янтаря и золота на самом доньшке, родные, виденные уже однажды, в какой-то из сотен жизней — в каждой ли? Жизнь. Мерцающая, вечная, настоящая Жизнь.

Древней отвечали. Духи отзывались, смеялись и улыбались своей сестре, и скоро радость заполонила весь мир. Или так казалось ведьме. В груди поднялось щекочущее ощущение, золотистое и солнечное, и скоро Мара сама смеялась вместе с ними, и огоньки в ветвях звучали серебряными колокольчиками, и сам ветер хохотал в голос. Ведьма знала — Бессмертный тоже сейчас смеется. Иначе быть не могло.

А иль-вэане затихла, сделала шаг вперед, чуть разведя тонкие руки, и шагнула в темноту, мягко то ли падая, то ли погружаясь в безоглядную пустоту. Призрачный контур развеялся, и по дереву вновь пробежали лазоревые цепочки-дорожки — будто венки на руках, незримые смертным. Мара склонила голову, прощаясь с болотным духом. Спасибо, древняя — славно мы с тобой говорили, многому ты меня научила. До встречи. Следом за сестрой, точно так же растворяясь под темным сводом, шли другие иль-вэане, и уходили они легко.

Мир изменился — в один миг. Задумчивая, печальная ночь озарилась мерцающим сиянием, наполнилась невесомостью и светлой легкостью, словно все обитатели Гарварнского леса разом отпустили все свои горести, и смех иль-вэане развеял их меж вековых деревьев. Мара с наслаждением вдохнула звенящий сладостью воздух — так давно она не ощущала этой беззаботности. Последнюю луну перед Ночью Сна в лесу все гудело напряжением и невыносимой тяжестью темных мыслей, которые пропитали все живое. И сейчас наконец-то впервые за столь долгое время морок рассыпался пылью. И так хорошо стало, так светло...

Кельди рядом с Марой улыбалась. Следом за иль-вэане всегда уходили агалати, а там уж и их черед будет — совсем немного осталось.

— А что там? — спросила Мара, глядя на лаз, увитый плющом.

— Там-то? Да ничего, — пожалала плечом кельди.

А, ну да. Действительно. Глупые вопросы задаешь, ведьма.

— Ладно тебе ворчать на саму себя, — шутливо пожурила ее кельди, — Все спрашивают.

— Все? Кто все?

Кельди улыбнулась — да так, что Мара ощутила себя маленьким несмышленным ребенком, сидящим у ног старой мудрой женщины, видевшей еще начало времен.

— Все. Птицы да зверье. Деревья да камни. Все. А вообще, — кельди немного повременила, — А вообще сама узнаешь, ведьма. Я неверно тебе сказала. Просто там то, что и никакими словами не выразишь. Да и образами тоже.

Когда низкорослый, кутающийся в плащ из листьев дух из агалати скрылся в пустоте провала, кельди поднялась с земли.

— Ну что, не поминай лихом, колдунья Гарварнского леса!

— Доброго сна, бесь, — с улыбкой поднялась Мара следом за ней, — Все тайники напоследок проверила?

— А то! Проверила, пересчитала — и перепрятала, чтоб всякому зверью неповадно было, — похвалилась кельди, и тут же доверительно добавила, понизив голос до заговорщицкого шепота, — Но коль совсем уж зимой тебе туго будет, сходи к дубовой роще у западных топей да загляни в дупло покореженного дуба, который меж двух валунов.

— Вот спасибо, заботливая ты моя, — рассмеялась женщина, тряхнув косой. Если уж кельди рассказала о своем тайничке — значит, действительно доверяет и ценит.

— Еще бы — вдруг помрешь еще с голоду, чего доброго, а мне потом тосковать да руки заламывать? Нет уж. Мы с тобой еще не одну весну встретим, Мара, — они остановились рядом с Древом Бессмертного, позволяя другим кельди пройти вперед и спокойно соединиться с родной пустотой. Ведьма чуть сжала плечо духа, ощущая под пальцами не плоть, но чистую энергию, густую и пульсирующую. Благо, ведьмы лесов могли касаться духов, и пальцы не проходили сквозь них.

— Конечно. Доброго сна тебе, древняя. Весной увидимся.

— Доброй дороги, ведьма, — серьезно ответила кельди, а затем в разноцветных глазах заплясали озорные искры, — Ты подумай все-таки, кем воплотишься — я б не прочь шугать путников вместе с тобой!

— Иди уже, несносная! — возвела глаза к небу Мара, и кельди, залиvisto хохоча, шагнула в провал.

Вскоре на поляне повисла тишина, в которой переливалось хрустальными голосами эхо. В небо с ветвей взвивались болотные огоньки, поднимаясь все выше, к голубоватым холодным звездам, звеня и смеясь. Мара следила за ними, и сердце ее рвалось следом.

Сумрачное сердце Гарварнского леса, поросшее мхами и папоротниками, замерцало. Оно билось медленно, мерно, и к этому звуку — услышишь ли, если звука такого в мире и нет? — примешивалась прощальная песнь огоньков. Сейчас они поднимутся еще выше, выпутаются из паутины черных ветвей и вдохнут осенний воздух в последний раз в нынешнем году, на этом обороте колеса — а потом упадут в сон. Ведьма никогда не задумывалась о том, почему они уходят именно так, а не как другие духи. Почему засыпают

последними и возвращаются в мир самыми первыми. Теперь она знала — они запечатывали мир собой. Подпитывали всю землю, не давали ей вымерзнуть и погрузиться в темный, горький сон, полный страха и неправды. Они были тем прозрачным, хрупким и тонким звездным рубежом, который защищал мир от Бездны.

Из глубокой ночной синевы, усеянной льдистыми звездными искрами, хлынул свет. Хлынул ласковой, но стремительной волной, оставляющей после себя едва различимый отблеск — так, как прибой оставляет следы на влажном песке. Свет прошел сквозь тело, от макушки и до самых пят, отозвался болезненно-сладкой дрожью в позвоночнике — и с тихим звоном исчезли. Над землей повисла призрачная дымка, медленно рассеивающаяся, исчезающая, тающая...

Мара взглянула на Древо Бессмертного. Туман, который принесли с собой духи, словно стягивался к входу в Дом, занавешивая темноту собой. Сумрачный свет померк. На поляне больше не было никого, кроме ведьмы.

Путь домой сквозь осеннюю ночь был тихим. Тишина, густая и вязкая, заполнила весь лес — и даже больше: весь мир. Глаза звезд пронзали темноту, и среди них одни глаза мерцали синим льдом, зловеще и ликующе, будто обещая, запугивая, насмехаясь. Не вырваться, не спастись, не проснуться... не вырваться, не спастись, не проснуться... Жестокие слова с долгим шипящим «с». Мара усмехнулась. Боги, и кто поверит в эти глупости?

Поверить могли многие — и ведьма хорошо знала это. Только вот ее подобной ложью нельзя было убедить, и этого было довольно. Что там те слова, что там страх и морок... Шрамы снова заныли, и ведьма усмехнулась — пусть. Все так неважно.

Палые листья чуть похрустывали под ногами, тускло мерцая едва заметной серебристой коркой. Изморозь, тронувшая землю, напоминала первую седину в мягких волосах лесов. Больше не было ни знакомого шелеста, ни постукивания, ни чьих-то размытых теней — только тишина. Пруды у берегов взялись тоненькой полупрозрачной коркой — только тронь, и она сломается, словно хрупкое стекло во дворцах южных королей. Мара шла вдоль сонных речушек, темных зеркал прудов и высокого сухостоя, пахнувшего так пряно, терпко и сладко — шла к дому, который нужно будет покинуть. Что-то заканчивается, что-то начинается, не так ли?

Бледный рассвет забрезжил над землей в тот самый миг, когда отворилась скрипучая дверь. В золотых глазах кошки утонул отблеск света — и снова сгинул, когда комната погрузилась в серый полумрак, который совсем скоро истает. Шелест шагов, шелест падающей одежды, шелест кошачьей поступи. Тепло одеяла, тепло пушистого зверя, вспрыгнувшего на постель и молча свернувшегося под боком, тепло руки, глядящей мягкую шерсть. Это последнее обыденное утро должно быть таким — чтоб запомнить его, чтоб заплести в память столь простую и нежную сладость жизни. Мара улыбнулась.

Благодарю тебя за все. И все, что там дальше будет — принимаю.

Колесо замерло — и первая спица еще не зажглась. Время остановилось.

Маленькая Эльна проснулась раньше брата и теперь зябко ежилась, не решаясь вылезти из-под теплого одеяла — дом остыл за ночь, и босым ногам будет холодно. Горвин сопел, отвернувшись к стене, и под его боком было тепло и уютно. Девочка еще немного повертелась, повздыхала, попыталась уснуть, но без толку — сон сбежал от нее и уже не желал вернуться. Эльна вновь вздохнула, собрала всю волю в кулак и откинула одеяло,

спрыгивая на пол. Кожа тут же покрылась мурашками, и девочка, клацая зубами, принялась быстро натягивать на себя одежду, лежащую на лавке неподалеку. Брат тут же подгреб под себя все одеяло и завернулся в него целиком — только конопатый нос торчал. Эльна с сожалением засопела: теперь даже если спать захочется, залезть обратно не получится — Горвин одеяло не отдаст. А если пытаться отобрать, проснется еще и, чего доброго, по ушам надаст.

Половицы почти не скрипели, когда маленькая девочка кралась в сени мимо спящих родителей. Отперев щеколду, Эльна выскользнула за дверь, спеша захлопнуть ее — напускать холод в дом не хотелось. Обернувшись к лесу, Эльна замерла. В такую рань не только ей не спалось.

Белую косу старой Фарны хорошо знали все дети Фаулира. Старушка стояла спиной к Эльне, возле частокола, опираясь на клюку, и смотрела куда-то сквозь темную стену деревьев Гарварнского леса. Что она видела там?

Девочка не утерпела и заторопилась к бабушке Фарне. Как и все ребятишки, она немного побаивалась подслеповатую старуху — но любила ее всем сердцем. Какие славные истории знала Фарна! Эльна мечтала о том, что однажды, когда ей будет уже очень много лет, она будет точно так же сидеть у крыльца своего дома по вечерам и баять сказки маленьким жителям Фаулира. И дети будут звать ее бабушкой Эльной. Она, правда, еще не представляла, какой станет спустя десятки лет, зато ясно видела мерцающие звездами глаза своих слушателей. Все будет так, обязательно.

Она робко остановилась рядом с Фарной и нерешительно подергала ее за рукав.

— Бабушка Фарна? Бабушка Фарна, ты что не спишь? Рано еще так...

Старуха вздрогнула, словно очнулась от дремы, и скрипуче молвила:

— Кому рано, а кому поздно, дитя. Мне вот уже поздно. Проснулась бы раньше... — она вздохнула и надолго замолчала. Эльна не торопила — кто знает, о чем думала Фарна? — А вот тебе рано еще. Сама-то что не спишь?

Девочка замешкалась — она и сама не знала. Впрочем, Фарна тоже ответа не требовала. Прозрачный взор старухи вновь блуждал по переплетениям ветвей и пушистым верхушкам деревьев.

— Скоро, дитя, все сказки станут правдой, — вдруг проскрежетала старуха. Эльна встрепенулась, обратившись в слух. Голос Фарны стал тише, вплелся в заунывный вой ветра, и что-то в нем такое было, что не слушать ее было невозможно, — Все страшные и дивные истории, все чудеса, все кошмары — все. Мы будем глядеть на то, о чем и помыслить раньше не могли.

Эльна молчала, почтительно глядя на старуху громадными глазами. Это предсказание? Фарна запугивает ее? Словно в подтверждение ее слов, седая женщина чуть повернулась к ней и склонила голову набок.

— Боишься?

Эльна немного подумала.

— Нет, бабушка Фарна. Это же чудеса, ты сама так говоришь!

— А коль страшно будет?

— А я Горвина попрошу, чтоб под одеяло со мной залез — мы так от чудь-зверя прятались, — доверительно сообщила старухе Эльна. Та издала хриплый смешок.

— Ишь, какие!.. Ну, славно, если так. Тогда и впрямь ничего не страшно.

Старуха с белыми, словно снег, волосами и смешная девочка в куче одежек стояли и

глядели вместе вдаль, и каждая думала о своем. Эльна вспоминала, как брат пугал ее байками о страшном чудь-звере, что рыщет ночами под окнами — и как они забрались под одеяло с головой, и Горвин шутил без остановки, чтоб ей так страшно не было. А о чем думала Фарна — только осенние ветра и ведали. Быть может, о песнях болотных огней в далеких чащах — она видела их лишь однажды, неясные сполохи меж деревьев, и с тех самых пор забыть не могла тот волшебный, чарующий свет. А может, о синих глазах под белоснежными ресницами, колючих и холодных, с бездной зрачков — такой же черной, как само сердце ледяной звезды. А может, еще о чем? Сама Фарна не смогла бы ответить.

А очень далеко, за тысячи верст от Фаулира, под темными сводами стылого замка дробился гулким эхом скрежет да раздавались быстрые, нервные шаги. Да черная ткань шелестела по каменному полу, и сквозняк трепал бурю смоляных волос. Асхэ ждала. Осталось совсем чуть-чуть. Мир уже замер на пороге темноты.

Больше книг на сайте - Knigolub.net